

Семен Данилюк

Арбитражный десант

Семён Данилюк

Арбитражный десант

«Accent Graphics communications»

2005

Данилюк С. А.

Арбитражный десант / С. А. Данилюк — «Accent Graphics communications», 2005

ISBN 978-5-224-05119-9

Все-таки бизнес – это война. Тайная, скрытая, позиционная, со своими окопами и атаками по минному полю. В этой войне есть свои рядовые и свои генералы от финансовой инфантерии. Олигарх Онлиевский поставил себе целью захват банка «Возрождение». В этой многоходовой операции хороши все средства: подкуп, убийство, шантаж...

ISBN 978-5-224-05119-9

© Данилюк С. А., 2005

© Accent Graphics
communications, 2005

Содержание

Пролог. Сначала было слово	5
Часть первая. По праву сильного	9
1	9
2	10
3	12
4	21
5	27
6	33
7	37
8	42
9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Семен Данилюк

Арбитражный десант

Пролог. Сначала было слово

Их было двое. Брызжащий энергией, не ведающий сомнений аспирант и поживший, умудренный профессор-экономист.

В 1988 году аспирант пришел к профессору с предложением создать банк. Его распирали идеи, но, увы, – при пустых карманах. И где найти денег для старта, он решительно не представлял. Зато у профессора, к тому же проректора Тимирязевской академии, было полно связей, а значит, возможностей добыть начальный капитал.

В аспиранте пульсировали страсть и убежденность фанатика, которые с неотвратимостью бура разрушили профессорский скепсис.

По замыслу аспиранта, банк должен стать не больше не меньше, локомотивом экономического возрождения страны.

Так они и назвали своё детище – инновационный банк «Возрождение».

С этого момента их имена для всей страны встали рядом: амбициозный президент Владимир Викторович Второв и вдумчиво-осторожный председатель Наблюдательного совета Иван Васильевич Рублев.

Впрочем, не рядом. На слуху у всех было имя Второва. Он определял политику банка. Он принимал все стратегические, как стало модным говорить, судьбоносные решения.

И решения эти оказывались удивительно верными. За короткое время «Возрождение» не просто ворвалось в финансовую элиту, а превратилось в крупнейший коммерческий банк страны, второй после сбербанка – по объему вкладов населения и первый – по внедрениям научных разработок в промышленность.

Рублев не вмешивался в хозяйственную деятельность, полностью передоверившись молодому партнеру. Зато во всех внешних и внутренних столкновениях подпирал его своим политическим и научным авторитетом.

Столкновений таких становилось все больше.

Второв был сколь талантлив, столь и удачлив. А удачливость рождает уверенность в непогрешимости, преобразуя амбиции в апломб. Нетерпимость, всхолонная успехами, привела к тому, что он разогнал команду, которую сам когда-то набрал, и которая вместе с ним преодолевала трудности роста. В банке появилось множество случайных людей, участились случаи воровства. Освободившиеся деньги все чаще направлялись не на новые вложения, а на покупку дорогостоящей недвижимости, в том числе вилл за рубежом. Банковский баланс, подобно корабельному дну, обросшему ракушками, стал терять устойчивость. И все-таки Рублев, единожды уверовав, продолжал поддерживать Второва во всех конфликтах, руководствуясь проверенным принципом «не навреди».

Тем паче «Возрождение», согласно международным рейтингам, вошло в число пятисот крупнейших мировых банков. Могучие западные финансовые группы охотно предлагали совместные коммерческие проекты. Знаменитые АБРО, Дрезднер и Дойче-банки предоставили синдицированный кредит на восемьсот миллионов долларов.

А это значит, что «Возрождение» переходило в новую, высшую категорию – «транснациональные корпорации».

И тут грянул роковой август 1998 года. Дефолт потряс всю устоявшуюся финансовую систему. Тряхнул он и «Возрождение». В отличие от владельцев прочих, так называемых системообразующих банков, Второв и Рублев не бросились «сливать» капиталы. Верные изначально-

ной идее, они принялись бороться за спасение детища. Несмотря на полученную пробоину, банк оставался на плаву. Нужно было лишь горючее, чтоб запустить его заново. Таким горючим мог бы стать стабилизационный кредит центробанка.

Поначалу это казалось вполне реальным: в условиях полного финансового хаоса, когда миллионы людей лишились накоплений, а тысячи предприятий оказались парализованными, помочь выправиться банку с сетью филиалов, покрывшей всю страну, значило бы возобновить кровообращение в экономике.

Но – метался по министерствам Второв, носился по Госдуме и Совету Федерации Рублев, а вопрос не решался.

И вскорости вскрылась подоплека: на банк предъявил права не кто иной, как влиятельнейший из олигархов – Марк Онлиевский, владелец финансовой корпорации «АИСТ» и крупнейшей нефтяной компании «Сигманефть», которого заглазно называли не иначе как кошельком Семьи. Во всяком случае, влияние его на администрацию и правительство были столь огромны, что желания Онлиевского тут же трансформировались в волю государства.

Несмирившийся банк, похоже, был объявлен вне закона. Охотничий рог протрубил. И в ожидании безнаказанной травли крупного зверя собирались лучшие охотничьи команды, подползали в надежде отхватить кусок браконьеры – одиночки.

А добыча вырисовывалась немалая. Даже после нескольких месяцев раздрая в банке осталось активов почти на четыре миллиарда долларов.

И тут железная воля Второва вдруг надломилась. Где-то в металле оказалась раковина. Боясь лишиться всего состояния, он согласился втайне от Рублева передать Онлиевскому самое ценное из банковского имущества, включая крупнейший в стране кондитерский холдинг.

На Рублева предательство человека, в котором он был уверен едва ли не больше, чем в себе самом, действовало сокрушительно. Его еще хватило на то, чтоб решительно отказать Онлиевскому и добиться на Наблюдательном совете увольнения Второва.

Но что делать дальше, он не знал.

Всякая управляемость после изгнания Второва оказалась нарушенной. Прежнюю команду тот разогнал, а пришедшие на смену, пользуясь безвластием, торопились обогатиться за счет гибнущего банка. Собственно, торопились все.

Кредитники всю торговали кредитными и залоговыми договорами, департамент имуществом принялся потихоньку реализовывать на сторону банковские здания и автотранспорт, управляющие иногородними филиалами, стремясь отделиться, подписывали задним числом фиктивные векселя или договоры займа.

Банк растаскивали по частям, как ставриду с праздничного стола.

Привыкший полагаться на Второва, Рублев не знал, как спасти ситуацию, и не мог смотреть на происходящее.

Иван Васильевич был самолюбив, но и самокритичен. Автор многочисленных монографий и учебников, один из тех, кого называли отцами рыночной экономики, он любил юбилейные славословия. Но, слушая льстецов, понимал истинную цену того, чего удалось добиться. Он слыл толковым преподавателем, но великих учеников не вырастил. Он входил в сонм ведущих ученых-экономистов, но переворота в науке не совершил. А его прекраснодушные теоретические построения, извращенные молодыми циниками, обернулись на практике массовым обнищанием и рваческим разворовыванием страны.

Банк – универсальный, могучий локомотив экономики, должен был стать его оправданием в этой жизни. Тем главным, что смог бы он предъявить господа Богу, когда наступит время расплачиваться по счетам.

И вот *теперь* это огромное, живое еще тело, сотрясается в конвульсиях. А он ничем не может помочь.

Угнетенный, совершенно разрушенный, Рублев попросту сбежал на дачу за шестьдесят километров от Москвы. Так, должно быть, в голод сбежали родители, не нашедшие, чем накормить умирающих детей.

Здесь и нашли его зять Игорь Кичуй со своим дружкой Андреем Дерясиным.

Предложенный ими план спасения банка – дерзкий и реальный одновременно, а главное, исходившая от обоих уверенность в успехе, встряхнули Рублева и вывели из состояния ступора.

Узколицый, пунцовый от смущения Андрей Дерясин, доказывая что-то, раскачивался с пунктуальностью метронома. Игорь Кичуй, высоченный, на голову выше долговязого приятеля, но узкоплечий и худощавый, в своих неизменных адвокатских очочках, извивался над Дерясиным потревоженной коброй.

Они горячились и перебивали друг друга, то и дело выхватывая привезенные схемы и графики. А Рублев не столько вслушивался, сколько всматривался, до такой степени напомнили они сейчас молодого Второва.

Эти двое двадцатипятилетних наглецов ничего не боялись, убежденные в скором, решительном успехе.

Зато сам Рублев отчетливо понимал: четыре миллиарда долларов на кону – это как знаменитое испанское наследство. Не будет ни легкой, ни тем паче быстрой победы. А будет тяжелая, изнурительная, быть может, кровавая война.

Но это был шанс, который давала судьба.

На другой день Иван Васильевич Рублев приехал в банк, где царила полная анархия, и начал энергично действовать.

Прежде всего он разыскал многолетнего заместителя Второва Александра Павловича Керзона и уговорил вернуться – на должность президента. В помощь ему поступили два новых вице-президента – Кичуй и Дерясин.

Их совместными усилиями оказалось пресечено массовое воровство, восстановлено единоначалие. Благодаря такту и авторитету Керзона крупнейшие кредиторы согласились на отсрочку платежей. И главное – удалось остановить панику среди вкладчиков, бросившихся поначалу снимать свои деньги. На Наблюдательном совете утвердили план финансового оздоровления и выхода из кризиса.

Все было готово, чтобы заново запустить банковскую машину на полную мощность. Но для этого требовалось любыми путями изыскать всего-ничего пустячок – двести миллионов долларов. Ту самую стартовую канистру бензина, без которой невозможно стронуться с места. А центробанк по-прежнему категорически отказывался выдать стабилизационный кредит.

Более того, усилились слухи, что у «Возрождения» со дня на день вообще будет отозвана лицензия на право осуществления банковских операций. А без нее «Возрождение» оказалось бы в отчаянном положении. Ему приходилось бы платить по долгам, но он лишился возможности зарабатывать. Как зло пошутил Онлиевский, банк без лицензии все равно что хищная рыба, выброшенная на берег. Сил еще полно. Бьется, трепыхается. А воды лишена. И с каждой минутой отмирают все новые и новые органы.

Впрочем, в политическом климате страны среди полного застоя дунул обнадеживающий ветерок. Между администрацией президента, лоббировавшей интересы Онлиевского, и правительством начались трения. Правительство пыталось получить новый внешний заем, а перепуганные дефолтом иностранцы требовали продемонстрировать реальные шаги по выходу из кризиса.

Реанимация крупного банка могла бы выглядеть таким шагом.

В Государственной думе, где Рублев частенько бывал в качестве эксперта, руководители большинства фракций заверяли его в своей поддержке. К тому же многолетний дружок Рублева и тезка его Иван Серденко, избранный заместителем председателя Госдумы, выразил уве-

ренность, что в новой обстановке администрация, боясь волнений, вынуждена будет уступить и поддержать банк.

Именно по его совету Рублев подготовил докладную записку в администрацию президента, которую Серденко вызвался передать и поддержать от имени Думы. В докладной записке содержались предложения, от которых, казалось, государство не сможет отказаться: «Возрождению» выдается стабилизационный кредит в размере двести миллионов долларов. А взамен собственники банка уступают государству пятьдесят один процент акций. То есть во имя сохранения банка Рублев готов был отказаться от контроля над ним.

Многое, очень многое зависело от решения администрации.

Часть первая. По праву сильного

1

Иван Васильевич Рублев выключил телевизор, так и не поняв, что именно происходило на экране. Потому что весь находился во власти своих неотвязных мыслей. Сейчас, когда он был один, русацкое, в оспинках лицо Рублева оказалось лишено обычной, выработанной годами приветливости. Он словно смыл ее, как лицедей грим после представления. Нижняя губа, обхватившая верхнюю, образовала упрямую скобку, маленькие карие глаза сощурились, рассыпав лучики морщинок, ноздри на коротком, слегка приплюсненном носе конвульсивно подергивались. Из зеркала напротив на Ивана Васильевича смотрело лицо боксера-средневеса, изготовившегося к решительной схватке.

Дверь тихонько приоткрылась, и Рублева сзади обхватили женские руки. То подкралась дочь Инна. – Все волнуешься? А ты расслабься. Нервную энергию следует тратить только тогда, когда от тебя хоть что-то зависит, – она нежно прижалась носиком к его волосам.

Умиленный Рублев потерялся затылком о поглаживающую ладонь, – после замужества дочери они стали видаться куда реже, чем прежде, – он сам подарил молодым квартиру. Теперь встречались в основном в банке, где Инна продолжала работать помощником президента. И лишь изредка, как теперь, она вырывалась к отцу в гости.

Через голову Рублева Инна зыркнула на разложенные на столе черновики. Озадаченно присвистнула.

– Ты что, на самом деле собираешься отдать контрольный пакет государству? Но ведь сам говорил, что все свои деньги вложил в банк. Зачем же тогда отдавать его чужим людям?

– Как раз, чтобы запустить.

– А если они возьмут акции, а банк не запустят, с чем останемся мы?

– Банк необходимо запустить! – сквозь зубы процедил Иван Васильевич. Понимая, что получилось чрезмерно резко, примирительно похлопал дочь по руке. – Тогда и деньги вернутся, и всё прочее окупится.

– Вам, великим экономистам, виднее, – заметив знакомую скобку на лице отца, Инна изобразила шуточный реверанс. – А вот что касается досуга, тут предоставь мне решать. Видно у тебя совсем квелый. В ближайший выходной беру мужа и вытаскиваем тебя на лыжи. Когда у нас, кстати, ближайший выходной? И когда вообще был последний?

Напористо зазвонил телефон. Рублев виновато пожал плечами и потянулся к трубке.

– Иван Васильевич, – услышал он голос президента «Возрождения» Александра Керзона. – Хохму хотите услышать? Оказывается, меня «заказали».

– Как это? – опешил Рублев.

– Обыкновенненько. Поступил киллерский заказ.

– Это ты так шутишь, Саша?

– Да я бы пошутил, – голос Керзона, несмотря на попытку выглядеть ироничным, непроизвольно подрагивал. – Только вот напротив сидит наш начальник службы безопасности. А, как вам известно, у господина Подлесного с чувством юмора дефицит.

– Выезжаю, – коротко объявил Рублев. Поднялся, поспешно развязывая кисти пижамной куртки. Увидел встревоженное лицо дочери.

– Да нет, обычные производственные проблемы. А вот выходной, похоже, и впрямь не скоро.

2

Начальник управления администрации президента Российской Федерации Семен Анатольевич Бобровников с безысходной тоской взгляделся в лежащую перед ним записку и нервно оттолкнул от себя. Не работалось. Несмотря на седеющие виски, Семен Бобровников был молод. Лишь в прошлом году отметил тридцатилетие, а уже два года занимал нынешнюю, высокую должность. Со стороны карьера его виделась головокружительной. Но у самого Бобровникова если и возникло головокружение от успехов, то разве что в первый год своего стремительного возвышения. Себя теперешнего Бобровников, надо сказать, нашел не сразу. В начале девяностых, как и многие, попробовал заняться свободным предпринимательством. Вместе с дружкой по институту Палием заключил контракт на поставку продуктов из Казахстана на условиях предоплаты. Идея выглядела безупречной, доход гарантированным, – Россия жила страхом перед надвигающимся голодом, и продукты сметались на пути к прилавку. Друзья заняли деньги и направили их казахскому партнеру. Получение предоплаты тот подтвердил факсом из двух пунктов. В первом пункте выражалась благодарность за своевременный перевод, во втором – сожаление в связи с невозможностью выполнить условие контракта: правительство Казахстана, оказывается, запретило отпускать за границу продукты без специального разрешения. Разрешения, само собой, так и не последовало. Видимо, все это настолько огорчило честного казахского парня, что вернуть деньги он позабыл. Во всяком случае на факсы, письма и телеграммы больше не отвечал.

Из неудач следует делать выводы. А они бывают очевидные и – глубинные. Очевидный вывод лежал на поверхности – они попали на кидалово. Глубинный же и главный вывод, к которому пришел Бобровников, заключался в том, что «сделать» серьезные деньги в России без властной «крыши» невозможно. Следовательно, нужно занять административный ресурс.

Перспектива поступить на государственную службу и неспешно делать карьеру, обрастая связями в бизнесе, показалась нетерпеливому юноше долгой и муторной.

Куда более соблазнительным выглядел другой путь – самому создавать властные структуры. Семен Бобровников увлекся новым веянием – выборными технологиями.

Он точно знал, что каждому человеку при рождении отпущен дар, ради которого он, собственно, и появляется на свет. Дар этот может быть самым неожиданным. Важно лишь выявить его, и тогда ты состоишься.

Бобровников нашел себя в качестве политтехнолога. За три года он провел несколько избирательных компаний в регионах и все – с неизменным успехом. С ним щедро расплачивались, к тому же предлагали завидные должности. Но размениваться на провинцию вошедший во вкус Семен не захотел. Он чувствовал, что созрел для свершений на куда более высоком уровне.

И – не просчитался. Вскоре удачливый политтехнолог был замечен и привлечен в команду по организации президентских выборов 1996 года, во время которых не только грамотно выполнял прямые обязанности, но и рисковал свободой, а то и жизнью, доставляя в избирательные штабы «черный» нал.

Заслуги Бобровникова в победе Ельцина были оценены надлежащим образом. При раздаче наград он получил должность начальника управления Администрации президента, в зоне ответственности которого оказались банки и финансовые структуры. Тогда же, в девяносто шестом, он инициировал создание компании «Роскор» и банка «Балчуг»¹, в уставной капитал которых государство вложило пять миллионов долларов. Во главе их Семен поставил надежного человека – Паляя. Официально в служебной записке Бобровников аргументировал

---

¹ Все возможные совпадения названий являются случайными

создание новой компании необходимостью обслуживания оперативных нужд администрации. Но истинной целью Семена Анатольевича было начать скупку предназначенных к приватизации предприятий, что при умелом использовании должностного положения сулило огромные выгоды.

Однако вскоре Бобровникову пришлось поумерить амбиции. Люди, поддерживавшие его, рассорились с бывшим союзником Онлиевским – не поделили влияние на президентское тело. Влияние «семейного кошелька» оказалось поувесистей. Прежнего главу администрации, а вместе с ним и ключевых членов команды, из Кремля и со Старой площади выдавили. Бобровников, правда, должность сохранил. Но – чисто номинально. Объем полномочий его резко сузили. Даже возможность помогать собственному детищу – компании «Роскор» – сократилась до крайности. Именно вследствие этого в марте девяносто восьмого, накануне дефолта, когда банк «Балчуг» схватился с банком «Возрождение» в схватке за институт «Техинформ», Бобровникову пришлось приказать Палию отступить. Сам повлиять на ситуацию он теперь не мог. Обращаться же за помощью к новому главе администрации – значило напомнить о подзабытом вложении пяти миллионов – с непредсказуемыми последствиями. Меж тем «Роскор» оставался для Бобровникова тем запасным аэродромом, куда он рассчитывал десантироваться в случае увольнения.

Семен Анатольевич вновь подтянул к себе записку председателя Наблюдательного совета «Возрождения» Рублева, на основании которой предстояло составить соответствующие рекомендации. С любопытством прошелся взглядом по вынесенному в «шапку» знаменитому банковскому логотипу – «Есть истинные ценности».

Рублев просил из резервов центробанка стабилизационный кредит в двести миллионов долларов, предлагая государству взамен контрольный пакет.

При таком варианте реанимация универсального банка с пятьюдесятью филиалами по всей стране не требовала рискованных вложений. А эффект – и экономический, и политический – для государства был бы оглушителен.

Но сколь заманчивой выглядела ситуация, столь и опасной. Передавая поручение, глава администрации недвусмысленно напомнил о личной заинтересованности Онлиевского в скорейшем отзыве лицензии у банка. А то об этом можно было забыть! Слишком нахрапист и неуступчив в достижении своей цели господин Онлиевский. Такая мелочь, как государственные интересы, при этом в расчет им не принимается.

Так что поручение, можно сказать, отдавало подлянкой, и самым безвредным для личного карьерного здоровья было бы попросту замурыжить записку в столе.

Но, с другой стороны, не всё выглядело столь однозначно. Резко набирал политический вес новый глава правительства – Примус. Который, как известно, Онлиевского не переносит. Кроме того, за банк просил не кто иной, как заместитель председателя Госдумы Серденко, апологет борьбы против засилия олигархов. Лично просил.

А серьезные услуги в политике не забываются. Да и всему обществу такое решение было бы, как глоток воды посреди засухи.

Бобровников задумчиво подмигнул своему отражению в зеркале: «Почему бы собственно и нет? В конце концов тварь я дражащая или право имею? Ведь есть еще истинные ценности. Тем более – всё как будто так и так идет к унылой отставке».

3

БМВ председателя Наблюдательного совета подъехал к самому входу в банк – дверь в дверь. Иван Васильевич в какой раз укоризненно скосился на собственный мобильник: в Центробанке с утра шло правление, на котором решалась судьба «Возрождения». И звонка все еще не было. Оба охранника выскочили первыми и, бдительно оглядываясь, встали так, чтобы отгородить выходящего председателя совета. Иван Васильевич удрученно поморщился. Прежде он прекрасно обходился одним водителем, но после известия о готовящемся убийстве президента банка Керзона Рублеву также пришлось согласиться на усиление мер безопасности.

Удручающая, вязкая тишина встретила Рублева при входе в банк, – половину персонала пришлось сократить, а оставшиеся предпочитали не высовываться из кабинетов.

Знаменитые напольные, восемнадцатого века часы, встречавшие посетителей оглушительным боем, при виде председателя совета слабо вздохнули, всхрипнули и – бессильно затихли, – что-то надломилось в механизме, два века не дававшим сбоя.

По парадной, с потухшим золоченым тиснением лестнице Рублев поднялся на второй этаж, в «командный» отсек, где располагались кабинеты президента банка и его замов. Здесь же выделили помещение и для председателя совета.

Обширная приемная, прежде вечно заполненная людьми, увешанная картинами, уставленная экзотическими деревьями и цветами, с журчащим в уголке фонтанчиком, теперь выглядела запустело. Лишенный воды фонтанчик исчах и запылился, цветы и деревья исчезли, на стенах темнели прямоугольники, – следы картин, распроданных с аукциона. Барная стойка с узорчатым зеркалом посередине наспех прикрыта куском черной материи, – будто в доме покойника. На всем, по ощущениям Ивана Васильевича, проступали следы тлена.

Первой, кого встретил в приемной Рублев, оказалась Инна. При виде входящего отца она радостно просияла и поспешила навстречу, озабоченно вглядываясь в него.

– Ну вот, стоит недоглядеть и – пожалте – костюм толком не отутюжен. И, конечно, опять перхоть. Щеткой хоть можно было смахнуть, горе ты мое? Просто – ребенок. Как ты вообще прежде без меня обходился?

Инна принялась отряхивать ворот пиджака. А покорный Рублев расслабленно улыбался, отвлекшись на минуту от навалившихся проблем.

Инна появилась в его жизни восемь лет назад, когда семнадцатилетней девушкой пришла поступать в московский ВУЗ. То есть гипотетически она присутствовала, конечно, много раньше. Но отец и дочь не виделись друг с другом. Брак с ее матерью оказался неудачным. Уже после свадьбы Рублев понял, что не любит жену: то, что казалось любовью, обернулось увлечением. Тем не менее какое-то время они прожили вместе, пытаясь наладить отношения. Но тут у Ивана Васильевича случился легкий флирт со студенткой, о котором стало известно жене. Женщина самолюбивая, она подала на развод. А получив его, уехала в Ростов к родителям. О том, что на Дону у него родилась дочь, Рублев узнал лишь через несколько лет, когда жене потребовались деньги на покупку кооперативной квартиры. Деньги он дал и – продолжал давать. Но до ребенка его так и не допустили.

И лишь по приезде Инны в Москву они познакомились.

Все эти годы Иван Васильевич прожил холостяком.

Безусловно, не был он тем затворником, каким представлял его банковский молодец. Бывали увлечения, порой даже длительные тайные романы. Но первая и единственная женитьба, кажется, навсегда отвратила его от семейной жизни. Он обратился в застарелого холостяка, поддерживая в своем жилище мужскую чистоту. То есть без разбросанных вещей и невымытой посуды, но с пылью на зеркалах и на мебели.

Приезд дочери изменил все. В доме появилась женщина. Улыбчивая, нежно-ровная, она взяла отца под опеку, заботясь о нем вплоть до мелочей. Так что вскоре он сам не мог понять, как до сих пор обходился без нее. Со своей стороны Рублев словно задался целью за короткое время восполнить дочери то, чего недодал ей в детстве. Таскал ее по выставкам и спектаклям, бесконечно делал подарки, чаще – дорогие и бестолковые, – которые она принимала с неизменной благодарностью, хотя сама ничего никогда не просила. Что бы ни происходило между ними, ощущение вины перед дочерью, которую обрек на безотцовщину, не оставляло его.

Несколько раз предпринимал он попытки оправдаться. Но разговоры эти Инна с неизменной ровностью пресекала на корню: что было, то прошло и – вычеркнуто. Рублев отступался. Сама же она за эти годы не позволила себе ни малейшего упрека.

Они просто нашли друг друга: отец и дочь.

В личную жизнь Инны Рублев старался не вмешиваться. Готовился сыграть свадьбу дочери с многолетним ее ухажером Андреем Дерясиным, открытым незлобивым парнем, очень Рублеву симпатичным. Но Инна объявила вдруг, что выходит замуж за Игоря Кичуя, – похоже, более настойчивый Кичуй отбил невесту у застенчивого друга.

Рублев, хотя и неприятно пораженный, принял и это без возражений. В конце концов как с Андреем, так и с Игорем его объединяло главное – любовь к Инне.

Дверь конференц-зала распахнулась, и оттуда стремительно вышел Андрей Дерясин. При виде Инны невольно покраснел.

– Иван Васильевич, у нас как бы засада, – привычным своим немного капризным баском всеобщего любимца произнес он. – Опять эта оглашенная заявила. Совершенно отвязная тетка.

«Оглашенной» и «отвязной теткой» была Манана Юзефовна Осипян, генеральный директор кондитерской фабрики «Юный коммунар», жемчужины банковского холдинга.

Из приоткрытой двери конференц-зала донесся низкий гортанный звук с какими-то металлическими вкраплениями, – словно ножом по сковородке скребанули.

– О, слышали? – ткнул в ту сторону Андрей. – Она там Керзона поездом пожирает. Похоже, до потрохов добралась. Может, подключитесь? Он подпустил в интонации кавказского акцента:

– А то ведь можно потерять человека. Так просто-таки стоит вопрос.

О том, что появилась куда более серьезная угроза потерять Керзона, ни Дерясин, ни Кичуй до сих пор не знали. Рублев, Керзон и начальник банковской безопасности Подлесный договорились держать информацию о киллерском заказе втайне, – дабы не нервировать остальных.

Рублев вздохнул с шутиливой обреченностью, подхватил дочь под локоток и шагнул туда, откуда доносились звуки перепалки.

В конференц-зале, в уголке огромного овального стола для совещаний, расположились трое.

Двое вдавившихся в кресла мужчин: дородный президент банка Керзон и вице-президент Кичуй, – и нависшая над ними хрупкая женщина – Манана Юзефовна Осипян.

– Здравствуйте, здравствуйте, дорогая Манана Юзефовна, – с фальшивой радостью воскликнул Рублев. – Опять чем-то вас огорчили?

Осипян разогнулась, тряхнула забранными в кичу смоляными волосами. Несмотря на сорок четыре года, она сохранила стройную фигурку и выглядела бы совсем молодо, если бы не мешки под глазами, бурые, будто спитые чайные пакетики. Да и сами сочные глаза смотрели устало и как-то озлобленно.

Во всяком случае улыбка Рублева не сделала ее более дружелюбной.

– Еще один сказитель явился, – констатировала Осипян.

Керзон ехидно склонил голову в сторону Рублева, как бы передавая венец мученичества.
– Что вас привело на этот раз? – все с той же приветливостью полюбопытствовал Рублев.
– Вот, – Осипян ткнула плохо покрашенным, желтоватым ногтем курильщицы в лежащий буклет «План финансового оздоровления банка «Возрождение».

– Разве в нем что-то неясно?

– Мне главное неясно: как именно банк собирается заново запуститься.

– Может, вам экономиста нанять, чтоб объяснил? – съязвил Кичуй, при виде подмоги приободрившийся.

– Вот вы и объясните. Всё больше пользы, чем зубы скалить.

Она опустила на стул. Указала Рублеву на место подле себя.

– Как член Наблюдательного совета и как глава кондитерского объединения имею я право лично выслушать, каким боком кризис в банке обернется для меня?

– Имеете, – покладисто согласился Рублев, усаживаясь. Он огляделся, решая, кому поручить разъяснения. – Может быть, я? – вызвалась Инна, которая ночами помогала мужу шлифовать программу.

– Это еще кто? – изумилась Осипян. – Почему секретутки вмешиваются в наше совещание?

Инна посерела. Рублев нахмурился.

– Это не секретарша, – поспешил Керзон. – Это мой помощник. И она в курсе всех деталей.

– Все равно – ее дело десятое: протоколы вести да справки подкалывать. Я хочу всё услышать от первых лиц банка, – не отступилась Осипян.

Нижняя губа Рублева, предвестник вспышки гнева, заползла на верхнюю. Скандальная Манана ненароком угодила в самое уязвимое его место – оскорбила дочь. И запасы рублевского добросердечия разом иссякли.

Вовремя вмешался Керзон.

– Уровень вице-президента вас устроит? Он указал на Дерягина.

С сомнением оглядев зарумянившееся юношеское лицо вице-президента, Осипян неопределенно пожал плечиком. Достала из сумочки длинный янтарный мундштук и принялась неспешно ввинчивать в него сигарету. Некурящий и не терпящий курящих женщин Рублев едва заметно отвернул стул. Давно не находилось бабы, которая бы вызывала у него столь устойчивую неприязнь.

Андрей Дерягин пружинисто поднялся. Взгляд его нашел глаза Керзона, и тот поощрительно прикрыл веки. Андрей заметно волновался. В новой должности вице-президента ему приходилось трудно: как актеру, привыкшему ко вторым ролям и вдруг введенному в основной состав. И все-таки он сильно возмужал. Даже обращенная к президенту произвольная мольба о поддержке была скорее данью привычке, – как и его дружок Кичуй, Дерягин потихоньку привыкал принимать решения за других. – Собственно, реализация плана, чтоб заново запустить банк на полную мощность, рассчитана как бы на шесть месяцев...

Готовясь к длительному выступлению, Андрей подтянул к себе план. Но Осипян опередила его.

– Лекция мне здесь не нужна, – объявила она. – На сегодня ваш банк парализован. Расчетные счета арестованы. Активы ваши хваленые разворовываются, так что скоро их может и вовсе не остаться. Чтоб запуститься и разблокировать счета, вам нужны деньги. И немалые, – Осипян подняла палец, давая понять, что подступает к главному для нее вопросу. – Так вот: где вы их собираетесь взять?

– Мы рассчитываем на стабилизационный кредит центробанка, – отреагировал Керзон.

– Оп-ля! – Манана, не стесняясь, хлопнула себя по бедру. – Кредита возжелали. Да на него еще Второв полгода назад зарился. А денежек как не было, так и нет. Да и кто даст банкроту?

– А вот как раз банкротом обзывать не надо! – задиристым фальцетом выкрикнул Кичуй. Он вскочил и принялся раскачиваться рядом с Дерясиным. Так что оба стали похожи на два часовых маятника, – подлиннее и покороче. – Мы сами знаем все наши проблемы. Но мы не банкроты! Количество наших активов намного превышает объем долгов. – Пока превышает, – Осипян, прищурившись, затаилась.

– Почему, собственно, пока? – обиделся Игорь. – Да у нас одной забалансовой, «дочерней» собственности на миллиард триста долларов! Вам известно, что это такое? Или, может, прикажете краткий банковский курс почитать? Могу презентовать учебник.

– Игорь! – осадил Кичуя Рублев.

– Не, ну а чего она нас мордой по столу возит!

Под гипнотизирующим взглядом тестя он неохотно опустился на место.

– На этот раз у нас действительно есть уверенность, что кредит центробанка будет выделен, – заверил Манану Рублев, в ком на самом деле уверенности с каждой минутой оставалось все меньше. – Вопрос решается на самом высоком уровне.

– Хотелось бы верить, – Осипян с сомнением по-мужски цыкнула. – Но если все-таки откажут?

– Тогда мы используем иные возможности изыскать деньги, – отчеканил Дерясин с откровенным вызовом.

– Вот-вот, это уже теплее. Вот об этом, прошу, поподробней, – Осипян потянулась через стол, будто собралась ухватить Дерясина за горло.

Но тут из приемной донесся оживленный залиvistый голос, и истомившийся в безвестности Рублев вскочил, ибо принадлежал этот голос заместителю председателя Центробанка Борису Семеновичу Гуревичу. Поднялся и Керзон: Гуревич когда-то начинал свою карьеру в банке «Возрождение», и с того времени они сохранили приятельские отношения. Раскрылись сразу обе дверные створки, и образовавшегося проема едва хватило, чтобы пропустить разбухшее тело. Керзон сокрушенно качнул головой: за полгода, прошедшие с последней встречи, Борис ухитрился еще располнеть. Впрочем, все взгляды тут же невольно сосредоточились на вошедшей следом эффектной спутнице Гуревича. Молодая, броско одетая, она шла, обмотанная шалью, выбрасывая ноги через передние разрезы в юбке и будто тем самым подгоняя приземистого Гуревича. Что-то очень знакомое угадывалось в ней.

– Извините за опоздание, – улыбаясь сконфуженной улыбкой, Гуревич подал пухлую ладонь Рублеву и Керзону, изобразил общий кивок всем остальным и уже собрался опуститься в подставленное кресло, но спутница его кашлянула предостерегающе, и Гуревич спохватился: – Да, позвольте представить, моя младшая сеструха, Ирина Холина. Вцепилась в меня клещом – возьми с собой. Хочет сделать репортаж о вашем банке. Как, Иван Васильевич, разрешите ей поприсутствовать?

Теперь все окончательно признали знаменитую журналистку, чьи экономические обзоры в «Коммерсанте» и «Эксперте» становились событием. Мелькала она и на экранах телевидения – то в аналитических программах, то в репортажах о светских тусовках, на которых появлялась в обществе крупнейших бизнесменов или политиков.

– Я хорошо знала Второва, – объявила Холина теплым, чуть хриловатым голосом. – И мне в самом деле любопытно то, что происходит у вас. А главное, это будет интересно и читателю. Осмелившиеся бросить вызов Онлиевскому не могут не быть интересны. По нынешним временам это круто.

– Поверьте слову, она вам пригодится, – объявил Гуревич, заметив, что Рублев, сторонящийся всякой шумихи, колеблется. – Во-первых, это вам не таблоиды – серьезный уровень.

Во-вторых, связи. А вам в теперешней ситуации как раз и надо общественное мнение изо всех сил подогреть. Никак нельзя, чтоб все совершалось втихую.

– Дорогой Иван Васильевич, клятвенно обещаюсь, что ни одного материала без согласования с вами не дам, – Холина молитвенно соединила ладони, отчего вид ее сделался умилителен и сексуален одновременно. Во всяком случае мужчины смотрели на сошедшую из другого мира приму с безотчетным восхищением. Хотя назвать ее красавицей – значило бы погрешить против истины. Эффект определялся умелым применением косметики и подобранным со вкусом нарядом – явно от кутюр. А больше – искрящейся уверенностью в собственной неотразимости. – Что ж, мы рады, – Рублев сделал приглашающий жест. Дерясин поспешно схватил свободный стул, выронил, подхватил у пола и подставил, смущенный собственной неловкостью.

Холина опустила голову, благодарно наклонив голову. Будто только сейчас заметив женщин, она скользнула по ним взглядом, то ли приветствуя, то ли фиксируя их присутствие.

Осипян и Инна, не сговариваясь, поджали губы: женщины остро чувствуют пренебрежение. Явление светской дамы примирило их друг с другом. – Так с чем пришел, Боря? – нетерпеливо напомнил Рублев.

– Погодите чуток, – сконфуженно прохрипел Гуревич. Отдуваясь, он привычно загладил назад отдающие рыжиной курчавые волосы. Крапчатое лицо его после подъема на второй этаж покрылось бисером пота. – Воды? – Керзон взялся за бутылку минералки. – Или, может, чего покрепче?

– Покрепче вам понадобится, – Гуревич обнажил мелкие ровненькие зубки. – Словом, господа-товарищи, только что закончилось внеочередное правление центробанка. Всё рухнет. Еще у тринадцати банков пришлось отозвать лицензию. Просто-таки повальное что-то.

Он сокрушенно покачал крупной головой.

– Хватит душу тянуть. Ты скажешь, наконец, о главном?! – рявкнул Керзон.

– Вас не тронули... Эх вы какие нервные стали! Хотя очень всё было проблемно. Словом, вот вам позиция центробанка. Вопрос с отзывом лицензии приостанавливается.

Вздых облегчения прервал его.

– Да, да. Даем вам еще чуток подышать и – с толком использовать время. Много, поди, скопилось непроведенных платежей? – Очень, – хмуро подтвердил Керзон. – Но у нас есть реальный расчет: как только мы получим в центробанке стабилизационный кредит, что позволит...

– Да никто вам этого не позволит! – нервно перебил Гуревич. – Центробанк денег не даст. Это сегодня тоже окончательно подтверждено.

– Но как же так, Боря? – голос Рублева взволнованно дрогнул. – Это фактически наши деньги, которые мы из года в год отчисляли в резервы как раз на такой случай. Потом мы же не за ради Христа. Взамен отдаем государству в управление контрольный пакет. Так что и риска никакого. Мне обещали, что еще раз рассмотрят. Должны были... походатайствовать.

– Походатайствовали! – подтвердил Гуревич. – Сегодня как раз заново рассматривали. Решение – отказать. Что смотрите? Нашлись ходатаи и с другой стороны. Догадываетесь, кто? Уж если совсем начистоту, скажу больше, Иван Васильевич. Решение в вашу пользу о выдаче кредита было почти принято. Тем более – поступила соответствующая рекомендация из администрации президента. Но тут как раз прямо во время заседания глава администрации сам позвонил шефу. Вроде какая-то у них там меж собой накладку произошла и рекомендацию отзывают. Так что скажите спасибо – хоть по лицензии успели проголосовать. А то бы и ее лишились. Что касается контрольного пакета вашего банка, решено от него отказаться. Мол, сами вляпались, пусть сами и выкарабкиваются. Нечего государство впутывать.

– Так как же тогда?... – Дерясин обескураженно переглянулся с Игорем Кичуем.

– Но ведь кредит – это же ключевое было! – Игорь вновь вскочил. – Невозможно запустить проржавевшую машину хотя бы без смазки.

Оговорка вызвала понимающие грустные усмешки.

– Вот и ищите, чем смазывать, и кого, – буркнул Гуревич. – Изыскивайте, как раньше говорили, внутренние резервы. И чем быстрее, тем лучше.

Рублев поднялся, расстроенный:

– Как-то все вечно в спешке, бестолково. И позиция Центробанка, Боря, для меня... негосударственная. Сами же плачетесь повсюду, что разрушено кровеносное обращение. Каждый день вон лицензии отзываете. Мы ведь единственные, кто еще может помочь заново раскрутить расчетную систему. У вас под рукой. Так помогайте, а не сочувствуйте впустую! Что ж это выходит? Чуть цыкнули на вас – и всё? До интересов страны и дела нет?

Гуревич удрученно развел пухлые ладони. Рублев беспомощно посмотрел на остальных и столкнулся с сочувствующим взглядом Мананы Осипян, то ли слушающей, то ли с интересом его разглядывающей.

– Как хочешь, Борис, но без стабилизационного кредита мы не выплывем. Я сегодня же обращусь в правительство!

– Иван Васильевич, дорогой мой! – Гуревич умоляюще приложил коротенькие, будто венские сардельки, пальчики к груди. – Да въезжайте вы наконец в реальность. То, что сегодня сохранили лицензию, – это вообще воля случая. Просто звезды совпали. Кроме того, Ельцина напугали волнениями вкладчиков. Да и не столько вкладчиков. На это чхали они, меж нами, девочками. У него скоро переговоры с западниками. Вот и гасит напряг. А как пройдут, тут же вас опять мочить станут. «Заказ»-то на вас никто не снимал.

– А говорили, Онлиевский вышел из фавора, – при слове «заказ» Керзон вздрогнул.

– Да о чем ты, Сашок? Послушай человека, который из кремлевских предбанников сутками не вылезает, – Гуревич сокрушенно выпятил нижнюю губу. Требовательно посмотрел на сестру. Холина кашлянула. Придала голосу пародийно-дикторский тон:

– Последние кремлевские новости. Решением Дедушки в состав делегации на переговоры с главами западных правительств включен господин Онлиевский.

Хмыкнула:

– Он там каждый день тусуется. Говорят, лично подготовленные проекты правит. Так что, ребята, на скорую политическую кремацию этого господина можете не рассчитывать. Еще всех нас переживет. – Мужики, мужики! – Гуревич подбадривающе пристукнул по столу. – Не повод отчаиваться. Вы выиграли время. Это уже кое-что. А там – или эмир умрет, или ишак сдохнет. Озабоченно прищелкнул по циферблату «Роллекса»: – О! Мне пора! Оставляю за себя сестрицу.

Он подбадривающе ткнул кулачком в вялое плечо Керзона и, в сопровождении Рублева, покатился к выходу.

– Да, такие у нас, в верхах, царят нравы, – Борис Семенович доверительно подхватил Рублева под локоток. – Если б знали, Иван Васильевич, как устал от беспредела, от заказухи этой! Эх, сорваться бы куда!

– Так возвращайся к нам, – без улыбки предложил Рублев. – У нас каждый штык на счету.

– На пепелище-то... – Гуревич понял, что шутка получилась неловкой. Смutilся. – Ладно, ладно, не дуйтесь, Иван Васильич, на самом деле еще повиляем хвостиком. Я и так всегда мысленно с вами, – он потянулся к уху собеседника. – Жаловаться, поймите, бесперспективно. Важно любой ценой раскошегариться, пока и впрямь лицензию не отобрали. Разблокировать счета – вот задача из задач! Потому думайте, что можно быстро распродать. Сейчас всё, что можно, надо продавать, а деньги пускать на расчеты! Просто-таки все, что можно, продавать – и в топку. Продавать – и в топку! Или – уж сразу сдаваться.

Гуревич еще раз вздохнул безысходно-сочувственно и удалился.

Рублев вернулся к притихшей группке за огромным столом... – Так что будем делать? – пытаюсь скрыть глубокое разочарование, он подбадривающе вздернул подбородком. – Похоже, на Центробанк рассчитывать не приходится. Есть у нас что-то, что и впрямь можно быстро продать хотя бы за сто пятьдесят миллионов?

– Минимум двести! – не уступил Кичуй. – Это же не с бухты-барухты цифра. Математические как бы расчеты, – Дерясин схватился за таблицы. – Каждая копейка другую тянет. Если быть совсем точным, то и двести мало...

– Оставьте, ради Бога! – отмахнулся Рублев. – Так что?

Как-то само собой все взгляды искоса сошлись на директоре фабрики «Юный коммунар». Финансовая оценка кондитерского холдинга, проведенная за месяц до дефолта, определила стоимость его в триста пятьдесят миллионов долларов. Семьдесят пять процентов акций фактически принадлежало банку.

– Даже не думайте! – Манана Юзефовна продемонстрировала холеный кукиш. – Потому и приехала, что знала, чего от вас, сволочей, ждать. Когда меня три года назад Второв и вот этот господин, – она ткнула в Керзона, – обхаживали, так что обещали? Не помните? Златые горы: собрать под моей эгидой всю кондитерку страны.

Кичуй фыркнул:

– Так когда от барышни добиваешься взаимности, чего в горячке не наобещаешь!

– Вы бы, юноша, не выпячивали так свою невоспитанность, – цыкнула Осипян. Оглядела неприязненно остальных. – Они тут проворовались да разодрались и за счет моего бизнеса решили делишки поправить. Ишь пряткие! Могла бы, сама у вас свои акции назад выкупила. А так – во вам дам продать!

– Это как же вы нам помешаете продать наши акции, хотелось бы знать? – *связвил* задетый за живое Дерясин, – умела вздорная Манана настроить против себя даже самых выдержанных.

– А как угодно! Поняли? Как угодно!! – голос Осипян, жесткий, будто из жести, вдруг сорвался на звук лопнувшей струны. Она поспешно отвернулась.

– Да что же вы в самом деле, Манана Юзефовна! Не надо так! – Рублев, до того со скрытой неприязнью следивший за задиристой бизнесвумен, – деловых баб по правде не терпел, – при виде слез растерялся. – Вот возьмите же, пожалуйста!

Он принялся неловко тыкать в нее носовым платком.

– И потом ничего еще не решено. Есть другие варианты. Мы, например, на днях выезжаем на переговоры с западными банками-кредиторами. Очень может быть, с ними договоримся, чтоб еще подбросили. Так, Игорь?

Кичуй неопределенно повел худым плечом.

– Будет врать-то, – Осипян вернула Рублеву платок. Глаза ее оказались сухими, и скупая косметика не размыта. – Имейте в виду, я вам все сказала. Попробуете за спиной продать, не будет у вас врага злей меня. Так и помяните. На том прощайтесь.

Она задержалась. Повернулась к Рублеву.

– А знаете что? Мы же с вами прежде почти не встречались. Приезжайте-ка ко мне на фабрику. Ведь, поди, и знать не знаете, что это такое – технологический процесс. Второв, тот бывал и вникал в детали, за что уважала. И вам бы, остальным, не мешало. Может, тогда призадумаетесь, прежде чем российскую кондитерку на сторону зафинтюлить. А то – привыкли пустые деньги гонять: сотня миллионов туда, сотня сюда. Цены рублю не знаете. Изобразив общий поклон, удалилась.

– О, бой-баба! – воскликнул Дерясин.

– Ты б язык придержал, – внезапно осек его Керзон. – Эта бой-баба с двадцати лет на производстве. Лучший, может, технолог страны. Семью, считай, из-за одержимости своей потеряла. Если б у нас в банке таких побольше сохранилось, глядишь, не развалились бы...

Он смутился:

– Впрочем это, конечно, лирика. Распродавать так и так придется. Все, что можно, из холдинга выдергивать.

Рублев хмуро кивнул.

– Гадливое какое-то чувство, – пожаловался он. – Но и другого выхода, похоже, нам не оставили. Андрюша, ты как будто говорил, что на кондитерку есть покупатели?

– Да выходили на меня пару дней назад из «МАРСЛЕ» ихнего, – неохотно подтвердил Дерясин. – Но демпингуют, гады иноземные, отчаянно. Холдинг стоимостью триста пятьдесят миллионов бакеров хотят купить за сорок.

– И что ты ответил?

– Спросил: а спинку не почесать? С тех пор вроде отвяли.

– Выйди на них сам заново.

– Иван Васильич, да нахалюги же! – вскинулся Дерясин. – Александр Павлович, вы-то хоть!..

Но поддержки у Керзона он не нашел.

– Придется отдавать, – подтвердил тот. – И потом не надо забывать: триста пятьдесят миллионов – это в лучшие времена. Да и то не менее полугодика экспертиз и согласований. А чтоб после дефолта, да еще быстро... Так что поторгуйся для порядка. Может, до семидесяти-восьмидесяти поднимешь.

– Да хоть бы и восемьдесят! Что они решат, если надо двести? – Вот и наскребите двести, – надбавил в голосе Рублев. – Сколько, Игорь, у нас, ты сказал, общая стоимость дочерних компаний? Миллиард триста?

– Да это я для Осипян сказал. На самом деле уже много меньше. За это время столько всего втихую распродали! Понимаете, Иван Васильевич, забалансовые активы, они и есть забалансовые. Их приобретали вроде бы для банка, но на учет в банк не ставили. А оформляли на разных «физиков» да «юриков». – Чтоб сам банк не перегружать. Тут и налоговые, и антимонопольные фишки, – как мог, разъяснил Дерясин.

– Это я, положим, понимаю, – раздраженно поторопил Рублев, предчувствуя, что за излишне подробными объяснениями скрывается новая неприятность.

– Чаще всего акции покупались на специально создаваемые компании, хозяевами которых формально числились сотрудники управления холдингом, – Кичуй, смущенный необходимостью излагать прописные истины, очевидные для всех, кроме тестя, потер переносицу. – На каждого из них регистрировалось по десятку, а то и больше таких компаний.

– Как же это можно? Многомиллионные акции доверять какому-то клерку? – наивно поразился Рублев. Раньше в технические детали он не вникал. – Пока банк стоял крепко, риска практически не было, – вмешался Керзон. Он взъюжил начавшие сесть вихры. – Все сотрудники находились под контролем. А вот как посыпался – тут каждый оказался сам по себе. Большинство просто поувольнялось. И теперь разобраться, кто за какую компанию отвечал, да и вообще подобрать все заново, трудно. Их же в банке чуть ли не семьсот значилось. Словом, не хотели вас огорчать... Говори, Игорь. Он кивнул Кичую.

– Иван Васильевич! – отчаянно выдохнул тот. – Вчера обнаружилось, что из компьютера исчез реестр дочерних предприятий.

– «Убили», разгильдяи?! – вскрикнул Рублев.

– Может, случайно «убили», – повел плечом Игорь. – А может, скачали втихую, а уж потом и стерли. – Мананка увела! – убежденно объявил Дерясин. – Больше некому! Не зря она тут выступала, что любыми способами помешает. Вот и – слихостейничала. А чего? – ответил он на недоверчивый взгляд Рублева. – Подкупила кого-то и – все дела. Точно – она! – Ну, она не она – это пока вилами на воде, – поморщился Керзон. – Мы уж тут без вас меж собой посоветовались. Нам сейчас срочно учет восстанавливать надо. И помочь может только один

человек... Олег Жукович, бывший начальник управления холдингом. – Больше никому! – подтвердил Дерясин. – Он единственный, кто всю поляну сек. Сам этих компаний в свое время насоздавал немеренно и должен помнить, что на ком значится.

– Это с которым нехорошая история вышла? – Рублев помрачнел. – Но он как будто запойный.

– Может, и так, – не стал спорить Дерясин. – Но только и выбора у нас как бы нет. Поэтому если отмашку даете, сегодня же съезжу к нему на дом. А тогда уж будем поглядеть.

В конференц-зал зашла сотрудница аппарата и подала Керзону свежий факс.

Керзон развернул и – посерел.

– Факс от господина Суслопарова, – объявил он, значительно глянув на Рублева. – После завтра будет в Москве. Требуется новой встречи с президентом банка. Как говорится, нечаянная радость. Игнат Суслопаров был владельцем одной из крупнейших в России нефтяных компаний. В отличие от остальных «нефтяных генералов», свободные деньги он не перегонял на Запад, а держал на депозитных счетах в самом надежном из российских банков – в «Возрождении». Как сам говорил, в загашнике. Дело в том, что Суслопаров вел переговоры с «Бритиш Петролеум» о совместном строительстве наливного терминала на Северном море. И деньги, по его расчетам, могли понадобиться в любую минуту. Переговоры затягивались, и запас рос. К августу 1998 года на счету суслопаровской «Сахра-нефти» скопилось около трехсот пятидесяти миллионов долларов. Едва грянул дефолт, деньги «зависли», – центробанк заблокировал счета. Суслопаров попытался как-то договориться с Второвым, а когда на его место вернулся Керзон, надел на него. Поначалу диалог велся более-менее цивилизованно: Керзон обещал что-нибудь придумать, Суслопаров кивал, и они фиксировали протоколы о намерениях. Однако попытки Керзона спасти деньги доверившегося банку олигарха к успеху не привели: никакие бухгалтерские проводки центробанком не принимались. Наконец выдержка окончательно изменила олигарху, решившему, что его просто «кидают» на огромную сумму. С этого времени жизнь Керзона, и без того нелегкая, превратилась в сущий ад. Суслопаров отказался от услуг юристов и в общении с президентом «Возрождения» вернулся к лексике своей молодости, когда работал монтажником на буровой. В последнее время впавший в буйство «нефтярь» и вовсе начал неприкрыто грозить Керзону физической расправой. Во всяком случае, по информации начальника банковской безопасности Подлесного, именно потерявший огромные деньги сибирский олигарх выступил заказчиком убийства президента банка «Возрождение». – Ох, и в темное дело мы с вами влезаем, мужики, – со смешочком констатировал Керзон. – И чем дальше, тем жутчее.

Но в глазах его, которые не успел он отвести, Рублев угадал страх.

– Что ж, – Иван Васильевич поднялся. – Картина как будто проясняется. Ты, Андрей, езжай к Жуковичу. Раз уж другого выхода нет, возвращай его в банк. Ну, а я завтра съезжу на «Юный коммунар». Не думаю, что пропажа реестра дочерних компаний – это работа Осибян, но – поговору. Тем более сама приглашала. А послезавтра вместе с Игорем вылетаем в Амстердам, в АБРОбанк. Чем черт не шутит, может, удастся убедить западных кредиторов, что для того, чтоб вернуть восемьсот миллионов, нужно дать еще двести. Тогда, глядишь, и холдинг распродавать не придется. – Блажен, кто верует, – буркнул Дерясин.

4

На выходе из банка Андрея Дерягина догнала Ирина Холина.

– Послушай-ка, Андрюша, – с обычным журналистским панибратством обратилась она. – Жукович – это ведь тот, который для банка готовил аукцион по покупке оборонного института? Андрей кивнул.

– И его тогда как будто заподозрили, что он слил информацию, и свои же избили до полусмерти?

– Да, всё так. Заподозрил его Подлесный, наш нынешний начальник банковской службы безопасности. А потом оказалось, что предал совсем другой. Жукович оскорбился, уволился. И какой после этого получится с ним разговор, даже не представляю.

– Тогда я, пожалуй, с тобой, – объявила она с бесцеремонностью женщины, не знающей отказа у мужчин. – Обожаю психологические триллеры.

Служебный «Мерседес» дожидался у входа. Шофер-охранник, который по инструкции должен был открывать дверцу, одновременно укрывая вице-президента своим телом, позевывая, сидел за баранкой.

Похоже, Холина с правилами безопасности была знакома.

– А чего у тебя этот боров сиднем сидит?

– Так намотался за день, – неловко предположил Андрей, пропуская ее в машину.

Водитель прошелся хмурым глазом по незнакомой пассажирке. – Домой? – требовательно уточнил он.

– Н-нет, пожалуйста. Мне еще тут надо заехать, – Андрей смутился. Он пока не освоился с новым статусом, с тем, что кто-то должен обслуживать тебя и даже подставляться вместо тебя под пули, и испытывал неловкость, которой разбитной водитель научился пользоваться, то и дело «отбивая» себе новые льготы и привилегии. – Придется еще заскочить в одно место...ничего, если задержитесь? Водитель промолчал с видом человека, привыкшего страдать от барских причуд. – Вот адрес. Это на Сушевке. Добросите и – тогда свободны. На самом деле Андрей рассчитывал, что после встречи с Жуковичем его довезут до дома. Но сказать об этом напрямую показалось неудобным. Стесняясь собственной робости, он скопился на Холину. Однако та, занятая юбкой, неловко завернувшейся под шубой, похоже, ничего не заметила. Обрадованный водитель засигналил, заставляя охрану заранее распахнуть шлагбаум, и – рванул по вечерней Москве. Как обычно, подрезая, поджимая, сигналив, – разгоняя перед собой всех, кого считал ниже себя. Если же самого его сзади подпирал, отгоняя, какой-нибудь «Джип», он ни в коем случае не уступал дорогу. Напротив, принимался бубнить про зарвавшихся новых русских, которых стоило бы тряхнуть как следует, но купленное ГАИ смотрит не на их фортели, а в их кошельки.

Заставить его ездить по правилам хотя бы в тех случаях, когда не опаздывали, Андрей так и не сумел.

– Я что, какого-нибудь Федька вожу? – обижался водитель. – Я вице-президента «Возрождения» вожу. Тут каждая минута тысячами долларов пахнет.

И Андрей просто перестал вмешиваться. Тем более, что случаев, когда бы он не опаздывал, почти не было. Опаздывать – стало его привычным состоянием. Слишком много заинтересованных людей из тех, кому нельзя отказать, добивались встречи с ним. Чаще всего лишь для того, чтобы в очередной раз выслушать уверения, что банк стоит и выстоит. Но и это являлось частью его работы – вселять оптимизм.

Он повернулся к откинувшейся журналистке.

– Что на самом деле заинтересовало вас в нашем банке? – любопытно спросил Андрей, больше, чтоб прервать неловкое молчание.

– Так вы у нас отныне едва ли не борцы с олигархическим засилием, – беззаботно ответила Холина. – Играете не по установленным правилам. Вам предлагают сдать Ошлиевскому, за хорошие, между прочим, деньги, а вы, дурни, упираетесь. Всё чего-то об общественном благе хлопчете. Вот и любопытно поглядеть, чья возьмет. Да и где быть репортеру, как не среди взбунтовавшегося гарнизона?

На самом деле это была не вся правда. И не главная правда.

Хорошо зная чиновничьи нравы и расклад сил в кремлевских коридорах, она нисколько не сомневалась, чья возьмет. Так или иначе сопротивление Рублева будет подавлено, и банк, а вернее, то, что от него останется, подложат-таки под всеядного Ошлиевского.

Но банковская команда! Сам Рублев и люди, пошедшие за ним, – что станет с ними? Сейчас все они заодно, рвутся в бой – последний и решительный. Но пройдет время, иллюзия быстрого успеха испарится. Накопится раздражение от неудач. А под руками – огромное разлагающееся тело бывшего банка с зарытыми в нем миллиардами. И как поведут себя эти условно честные мальчишки тогда? Ведь чем меньше веры в общую победу, тем сильнее будет желание отхватить хоть что-то для себя. Уже не взирая на других.

Все они вызвали в Холиной ассоциацию с санитарными врачами, десантировавшимися в чумной зоне. Они борются с чумой, сами рискуя ежеминутно заразиться. И слушая на сегодняшнем совещании каждого из них, Ирина прикидывала, кто и как долго сумеет устоять против стязательской инфекции.

Наблюдать разложение нравов, – вот на самом деле безумно интересный материал.

Разумеется, Дерясину она об этом не заикнулась, а, напротив, похохатывая, принялась пересказывать какую-то тусовочную байку. Умница Холина, если хотела, умела становиться обаятельной болтушкой. Но когда они подъехали и Андрей вышел первым, Холина, задержавшись, склонилась к водителю:

– Значит, так, красавец! Стоять и ждать! Подкалымить не терпится? Охранник хренов.

Водитель резко обернулся, собираясь поставить дамочку на место, но, разглядев, осекся. Потому что увидел главное: с такой лучше не связываться. – Так я чего? Он сам предложил, – обреченно буркнул он. – Долго ждать-то?

– Пока не усохнешь. И далее: еще раз услышу подобные разговоры с вице-президентом, добьюсь, что уволят с волчьим билетом. Или в автобазе на воротах сидеть будешь, или колымить от бордюра. А теперь быстро вылез и – открыл даме дверь. Более не замечая его, повернулась к поджидающему Дерясину: – Да, да, вылезая, Андрюша. Годы! Неповоротлива стала. И преизящнейше выпорхнула наружу, опершись на подставленную водителем руку.

– Мерси-с, зараза!

Всего в пятидесяти метрах гудела забитая машинами вечерняя Сущевка. А двор панельной девятиэтажки был тих и сумрачен. Находились над асфальтом побитые безглазые фонари, и освещался он лишь тусклым отсветом покрытых зимней накипью окон. На ржавой металлической двери в подъезд выделялось наклеенное объявление: «Твой дом – твоя крепость. Жильцы! Сохраняйте бдительность. Не давайте цифры кодового замка посторонним людям. Сведения о подозрительных передавайте лифтеру».

Призыв был услышан. Очевидно, чтоб не проговориться, жильцы попросту сломали замок, – дверь оказалась распахнутой настежь. Впрочем сообщать сведения о подозрительных все равно было некому. Стояла в подъезде сколоченная дощатая будка, но самого лифтера в ней не оказалось. Судя по слою пыли, никогда и не было.

Зато на полу во множестве валялись раскиданные пустые бутылки и бумажные мешки из-под строительного мусора. Из-за лифта несло кислым запахом нестиранных носков и доносилась похрапывание, – под батареей примостились бомжи.

– Б-рр, – Холина поежилась.

– А что вы ждали? Нормальная московская многоэтажка, – Дерясин нажал на кнопку лифта.

– Потому и «б-прр». Надеюсь, в квартире у него попримечней.

Андрей промолчал. Он не видел Жуковича более полугода, а, по отрывочным сведениям, тот по-прежнему нигде не работал и – много пил.

На площадке восьмого этажа Дерясин принялся озираться, вспоминая. Выручила музыка, доносившаяся от двери слева. – Надо же, оранж под Моцарта, – удивилась Холина.

– Это как раз у Олега. Стало быть, дома, – Дерясин ткнул пальцем в звонок и продолжал жать, пока не заклацали засовы.

– Хотел бы я знать, что миг грядущий нам готовит, – шепнул он, на всякий случай прикрыв журналистку спиной.

Дверь распахнулась. И Дерясин невольно подался назад, – на пороге стоял Жукович. Желчные, заостренные черты лица его обрюзгли, под запавшими глазами набрякли синюшные скатки. Патлатые волосы слежались и напоминали придавленный парик, в спешке нахлобученный наискось.

– Ты?! – одновременно вырвалось у обоих.

– Я-то я, – вяло подтвердил Жукович. – А ты чего вдруг надумал?

– Повидаться. И... вообще.

– Разве что «вообще», – Жукович помялся. Интенсивно, по-лошадиному, принялся втягивать воздух, – лестничная клетка наполнилась тонким ароматом «Мадам Клико». – Ориентацию, что ли, сменил?

Из-за спины Дерясина выступила свежая, благоухающая Холина:

– Здравствуйте. Олег, кажется? Надеюсь, не забыли меня?

При эффектном появлении женщины Жукович сделался совершенно угрюмым:

– То-то чувствую, чем-то знакомым воняет.

– О! Вот теперь и я вас признала. А то мне ввали, будто вы джентльменом стали.

– Фуфло вам гнали! Вы вообще, с чем сюда вдвоем приперлись?

– Может, ты нас все-таки запустишь? – Дерясину надоело стоять на лестнице. – Что-то больно к гостям неприветлив.

– Так незванный гость, он и есть неожиданный, – Жукович неохотно отодвинулся, пропуская их в узенькую прихожую, поклеенную обоями под кирпичик. Ирина, собиравшаяся положить на трюмо перчатки, предусмотрительно провела пальцем по поверхности: в слое пыли появилась свежая борозда.

– Жену я неделю как выпер, – без затей объяснился Жукович. – Пускай у родителей чуток оклемается. А то кудахтала тут с утра до вечера, мол, губишь себя пьянкой. Так это ж никакого здоровья не хватит – такую гадость о себе с утра до ночи выслушивать. Хотя... – он разудало очерился, – выпивка, и при том неумеренная, действительно имеет место быть. Очень она мне досуг скрашивает. В чем сокрушенно признаюсь.

Он поглядел, как стягивает Дерясин кашемировое пальто, пощупал костюм.

– Дорогое сукнецо. Вижу, забурел.

– Есть немного, – неловко подтвердил Андрей. – Ты в комнату позовешь или?...

– В общем-то можно и в прихожей. Но... Ладно, вам же хуже, – непонятно пригрозил Жукович, подошел к ближайшей двери, из-за которой доносилась музыка. – Мы тут, правда, фестивалим немножко. Так что – заходите, знакомьтесь.

И – решительным жестом толкнул дверь.

За круглым с облупленной полировкой столом, уставленном обглоданными, заветренными закусками и, само собой, водочкой, сидел, опершись на локти, заросший щетиной мужчина, на вид, лет тридцати пяти, в несвежей тельняшке, распираемой атлетическим торсом. Глаза его с легким монгольским разрезом, мутные, будто забродивший океан, с прищуром

смотрели на вошедших. Очевидно, увиденное не впечатлило его. Левая рука с якорем на запястье донесла стаканчик с водкой до рта и – опрокинула.

Не отрывая глаз от холеной гостьи, он потянул пальцами из банки шпротину. Масло потекло по рукаву тельняшки. Брезгливая Ирина скривилась.

Заметив это, сидящий с чувством рыгнул.

– Знакомьтесь, – Жукович разудало повел рукой. – Мой лучший, можно сказать, друг. Только вернулся из плавания. – Тогда все понятно. Матрос в смысле моряк, – съехидничала Холина.

– Именно что так, – человек в тельняшке прикрыл один глаз, и, будто снимающий мерку портной, прошелся сверху вниз вдоль длинной юбки Холиной, демонстративно задержался на двух передних разрезах, отчего бойкая женщина неожиданно заалела. – Что, слюна потекла? – обозлилась она.

– В общем более-менее. Правда, на мой вкус, бедро худосочно и титьки, наверное, без лифчика отвисают. А так ничего. Еще бы штукатурку с тебя содрать, чтоб поглядеть, какая ты на самом деле. – Какая бы ни была, да не про твою честь.

– Как знать, – глаза его сделались колючими. – Ну, что ты меня сверлишь, фифочка? Привыкла, поди, что мужики соплями исходят. Кисея бродячая! – Это что-то из ряда вон! – привыкшая безнаказанно насмешничать над мужчинами, Холина, столкнувшись с неприкрытым, подзаборным хамством, растерялась.

– Что, в самом деле, за бухарь? – нахмурясь, тихонько поинтересовался Дерясин у Жуковича.

– Зачем же так официально? – у моряка оказался неожиданно тонкий слух. – Зовите меня просто – господин Лобанов.

И он поглядел на Дерясина с таким откровенным вызовом и с такой отчаянной, радостной готовностью поскандалить, что Андрей смутился.

– Он иногда бывает смирный, – успокоил гостей Жукович, чрезвычайно довольный их испугом. – А ты, Дэни, кончай людей стращать. Люди из банка приехали. Чего-то хотят. Так что давай сперва выслушаем.

– Так раз хотят, это ж совсем другое дело, – моряк вновь потянулся к бутылке. Приподнял ее в сторону Дерясина, но тот хмуро отказался. – Понятны ваши огорченья. Кроссовки жмут и нам не по пути. – Похоже, давно пьете! – Дерясин демонстративно затолкнул носком под диван выкатившуюся оттуда бутылку. – Всего-ничего, третий день, – Жукович отчего-то обиделся. – Знаете, вы выкладываете, с чем приперлись. Если с добром, так нечего рыло воротить, подсаживайтесь к столу. А если антиалкогольные лекции читать, так этого добра я...

– Вообще-то мы как бы за тобой, Олег, – Андрей смахнул с угла дивана наваленные газеты, вытер освобожденное место платком и усадил оскорбленную Ирину.

– Что значит «за мной»?

– Прослышали, что до сих пор не работаешь. Хотим предложить в банк вернуться. Все-таки среди людей. При деле.

– Кто это «мы»? – Жукович насутился. – Подлесный, что ли? Еще не настучался по моей башке?

– В банке сейчас новая команда, – поспешил успокоить его Андрей. – Я и Кичуй – вице-президенты.

Жукович моментально перекинул через руку грязную салфетку и прогнулся в холуйском раже. Патлы свесились вниз:

– То-то гляжу, на нем шкеры крокодиловой кожи! Дэни, грубиян проклятый, как же мы так опростоволосились? Даже портянки к приходу высоких гостей не погладили. Еще и на «ты» себе позволили. Знать бы раньше – ковровую дорожку расстелил. Впрочем – нет. Ее мы уже, кажись, пропили. Под одобрительные аплодисменты собутыльника Жукович раскланялся.

Холина поднялась. Сморщила уничижающе носик. – Похоже, это уже клиника.

– М-да, пожалуй, – огорченно согласился Дерясин. – Ну что ж, приятно, как говорится, было повидаться.

– Как же, приятно вам! – Жукович зло скривился. – Ишь, с какими они подходцами научились. Благодетелем сюда заявился. Из трясины меня вытаскивать. Человеколюб хренов! Что? Тю-тю на Воркутю? Разбежались дочерние компании? Дерясин вздрогнул:

– Так и ты уже знаешь! – А вы что думали? Понаделали компаний на «физиков», и они будут тихонько ждть, пока вы там меж собой определитесь, кому как делить? Да не, милые: люди тоже кушать хотят. Я и то слышал, что на рынке нашими «дочками» всю торгуют.

– Вот это и хотим остановить, Олег.

– Так и – ...флаг вам в руки!

– Если уж до конца откровенно, – пропал реестр.

Жукович присвистнул:

– Далеко зашло. Слышал ли ты, о друг мой Дэни?

– Да, какая-то в державе Датской гниль, – опорочившая очередной стаканчик, важно подтвердил Лобанов. – Надо же, какие у нас морячки начитанные пошли, – не сдержалась мстительная Ирина.

– Так скушно в плавании. Вот и упражняешься «Гамлетом», – то в переводе Лозинского, то – Пастернака. А то еще большая радость, если удастся порнушку отхватить. Очень отвлекает. Ирина приготовилась сказать новую колкость. Но Андрей раздраженно дернул ее за рукав, – не препираться пришли.

– Практически мы ставим все заново, – заявил он. – Нужны проверенные люди в команду. Как ты, Олег.

– Будет тебе словесным поносом дристать! – зло перебил Жукович. – Ведь на самом деле вам от меня надо, чтоб реестр восстановил, и – только.

– Хотя бы для начала это. Работа будет хорошо оплачена. – Хорошо – это сколько? – с живой насмешливостью отреагировал Жукович. Голос его хлестанул вверх. – Накормлен обещаниями! До сих пор жалкие пятьдесят тысяч, что были обещаны за аукцион, пачками сыпятся. Только почему-то все во сне. И мне плевать, что те, которые обещали, уже смылись. Рыло и душу мне набить не забыли. А вот денюжки, честно заработанные, заплатить – видишь ли, не сложилось. Все вы для меня одинаковы. Ишь как ловко – нахапали, разбежались и вроде теперь никто ни перед кем не виноват! А то, что я по милости опричничка вашего – Подлесного полтора месяца с инфарктом провалялся – это опять не в счет? За скобки вынесли?! Кем он, кстати, у вас? – Начальник службы безопасности, – неохотно, предвидя реакцию, сообщил Дерясин. – О, как! По заслугам и честь, – Жукович хлопнул себя по ляжкам. – Каков банк, таковы и работнички. И ты мне посмел предложить к этой паскудине!.. – Почему к нему? С ним как раз у тебя никаких контактов не будет. Все вопросы напрямую со мной или с Игорем. Впрочем, все это теперь неважно. Я же не знал, что ты после инфаркта и тебе нужен покой. – Как раз ни в коем случае. Покой ему последнюю неделю только снится, – Лобанов с хохотом прищелкнул по стакану. – Так что для смены обстановки поработать чуток его мотору как раз не повредит. Это я вам авторитетно как судовой механик заявляю. А вот словеса ваши насчет «заплатим» – в самом деле дешевка. Дерясин помрачнел.

– Может, мы без этого матросика все-таки договорим? – он с силой потянул Жуковича в коридор.

– Можете, – вальяжно разрешил Лобанов. – Но толку не будет. Потому что я его еще обломать могу. Ежели захочу, конечно. А вот ты со своей макияжной куклой навряд ли.

– Да не вернусь я туда! Знаю этих кидал.

– А чтоб не кинули, мы контрактик составим, – матрос провел в воздухе вилкой, будто текст чертал. – Все пропишем. Но самым первым пунктиком оговорим, что в силу договорчик

вступает с момента выплаты подъемных. Сколько там тебе недодали? Пятьдесят? Плюс, стал быть, проценты набежали и – за вредность: утриска организма дорогого стоит. Это у нас... Черт, всегда с арифметикой нелады были. Для верности на полтора умножим и – цифру прописью.

И он опять приложился к стакану, не переставая следить за удивленным Дерясиным.

– Ничего не скажешь, подкованный судовой механик, – не сдержалась, чтоб не съязвить, Ирина. – Чувствуется большой опыт сутяжничества. – Есть малек, – добродушно подтвердил Дэни. – Так что скажешь, вице – хренице?

– В банке сейчас как бы не до жиру. Каждый доллар считаем. Но если это твое условие, Олег?

– Условие! – подтвердил Жукович. – Да и то я б еще сто раз подумал...

– Хорошо. Завтра же переговорю с Керзоном.

– С Керзоном? – заинтересовался Дэни.

– Вам-то что?

– Да просто подумалось: неделя как вернулся. Устал вроде шланговаться, – он с хрустом потянулся, задумчиво огладил небритые щеки. – Пойду-ка я, пожалуй, тоже к вам на работу.

– Судовым механиком? Так в банке своего флота нет, – снасмешничала Ирина.

– Я без него не согласен, – скороговоркой выпалил Жукович. – Возьмете его, пойду и я. Это тоже условие.

Дерясин куснул губу:

– И кем желаете? Слесарем-сантехником? Электриком? Чего можете?

– Могу и слесарем, и электриком, – лениво подтвердил морячок. – А могу и банком командовать. Нам, пролетариям, где бы ни работать, лишь бы не работать. И вот что, мальчик, – он поднялся, шагнул к Дерясину, оказавшись на полголовы ниже, что его совершенно не смутило. – Ты завтра на утречко пропуск мне закажи. Может, если надумаю, и впрямь подгребу вместе с Олегом. Там и с должностенкой определимся. Помрачнев от этого снисходительного «мальчик», Дерясин сухо кивнул и вместе с Холиной поспешил покинуть негостеприимную квартиру.

В спину им донеслось довольное похохатывание.

– Полный отстой, – процедила Ирина, едва шагнув в лифт.

Андрей лишь сумрачно кивнул. В этом они сошлись. Но что оставалось делать? Кроме Жуковича, никто другой восстановить реестр не сумел бы.

5

Рублев тихонько зашел в обшитый мореной доской кабинет директора фабрики «Юный коммунарь». Не сразу разглядел затерявшуюся за огромным столом Манану Юзефовну Осипян. В ярком желтом блузоне она напомнила Рублеву махонькую канарейку, забившуюся в угол огромной клетки. Впрочем это была вполне бойкая канарейка. Покусывая неизменный мундштук, она неприязненно вслушивалась в монотонный мужской голос из селектора. Посторонний звук в кабинете насторожил ее, и она приподняла замыленные усталостью глаза. Но, кажется, Рублева не заметила. Невидящий взгляд ее скользнул вдоль стен, затем, не меняя выражения, сквозь вошедшего и, описав круг, остановился на чем-то, лежащем на столе. Увиденное волшебным образом смыло с нее усталое безразличие и вернуло взгляду знакомую задиристость.

– Ты, вот что, не увиливай! – с кавказским акцентом перебила она бубнящего абонента. – Передо мной график и будь добр – соблюди!.. И нытьё оставь! Выполни сначала. Мужчина ты или как? Завтра жду в одиннадцать с рапортом о выполнении. А вот к нему уже можешь смело присовокупить докладную на снабженцев. Право ныть, его тоже заслужить надо. Будь!

Азартно бросила трубку. Прищурилась, кажется, только теперь заметив гостя.

– Всегда, как разволнуюсь, так – акцент просыпается, – пожаловалась она, перейдя, к слову, на безупречный русский. – И откуда? Из своих сорока четырех лет...

– Быть не может!

– Оставьте это! Все мои анкетные данные знаете, – Осипян вытряхнула из мундштука окурок, продула, ввернула новую сигарету и с аппетитом затянулась. – Так вот тридцать из них в России прожила. И ведь все равно – то и дело выскакивает откуда-то без спросу кавказский говорок. Как кашель.

Она в самом деле зашлась сухим кашлем хронической курильщицы.

– Вам бы курить поменьше, – осторожно посоветовал Рублев.

– Увы! Теперь точно – поменьше осталось. Жизнь потихоньку-потихоньку к закату наклонилась, – она хмыкнула. – Так что, показали вам наше хозяйство? Побывали, так сказать, в горниле?

– Да. Спасибо. И в музей ваш знаменитый сводили. Могучее впечатление. Настолько все отлажено. – То-то что отлажено. А цену этой отлаженности понимаете? Годами синхронизировали. А вот разломать – в минуту можно.

– Требуется наша помощь?

– Не приведи Господь! – шумно испугалась Осипян. – Здесь мы и без вас расстараемся. Вы нам только не мешайте! Христом прошу. Все, что от вас требуется, – тылы мне гарантировать, пока я работаю. Чтоб знала, что сзади, с черного хода, никто не подберется. А вместо этого сами норовите нож в спину воткнуть. Понимаете о чем я, любезный Иван Васильевич?

Любезности в ее густом голосе как раз не чувствовалось. – Хорошенького Вы о нас мнения, – Рублев натянуто улыбнулся.

– Как раз такого, какого заслуживаете.

– Манана Юзефовна! Что-то вы совсем, погляжу, не в духе, – несмотря на потуги Рублева перевести разговор в легкое, шутовское русло, тон кондитерши становился все более неприязненным. – Я, конечно, понимаю, бывают дни особых дамских настроений. Но все-таки... – Дни дамских настроений закончились еще неделю назад, – во взгляде Осипян мелькнул проблеск лукавства. Ей неожиданно понравилось, что безукоризненно вежливый председатель банковского совета вышел из себя. – Кстати, я для вас здесь не дама, а директор кондитерского холдинга, в котором банку принадлежит контрольный пакет. И, насколько знаю, банк собирается этот пакет спустить, даже не удосужившись поставить меня в известность.

– А чтоб не сдали, вы выкрали из банка реестр дочерних компаний, – в тон ей «выстрелил» Рублев.

– Какой реестр? У вас что, реестр пропал?! – поразилась Осипян. – А документы по моему холдингу тоже?!

Она выскочила из-за своего командирского стола, ухватила ручкой Рублева за ворот и – потянула к себе.

– Я тебя спрашиваю!..

– Да нет же. Ваши документы на месте. Хранятся в сейфе, – обескураженный Рублев не без труда высвободил рубаху.

– И на том спасибо, – Осипян, тяжело дыша, опустилась рядом. – Ох, вы и разгильдяи! Еще хуже, чем думала. Это какой же бардак надо развести, чтоб из-под носа целые базы данных уводили.

Она с любопытством глянула на понурого председателя банковского совета. Подтолкнула вдруг его локтем:

– Слушай, а с чего вы взяли, что это для меня выкрали?

– Старое правило. Ищи интерес.

– Ну, вы даете! – Осипян, похуже, так удивилась, что не очень и обиделась. – Напрягите извилины: зачем мне ваш реестр? Сколько у банка дочерних компаний и частей?.. Двести, триста?

– Много больше.

– А таких холдингов, как мой, тоже сотни? Или все-таки, дай Бог, с десятков? – Таких единицы, – Рублев принялся загибать пальцы. – Да, пожалуй, такого больше нет.

– Так вот и сообщайте, вы ж профессор. Сами говорите, ищи, кому выгодно. Мне-то какой смысл утянуть ваш реестр? Или все после этого забудут, что банку принадлежит кондитерский холдинг на триста пятьдесят миллионов долларов? Может, в депозитарии сама собой сотрется соответствующая запись? Ан дудки! Нет у меня возможности втихую от вас, сволочей, сорваться. Хоть и хочется. А вот какой-нибудь леспромхозик, или цементный заводик, или коттеджные земли в Подмоскowie в сутолоке заиграть вполне можно. Вот в каком направлении искать надо. Логично, нет?

Рублев неохотно кивнул. – Я об этом не подумал, – признался он понуро. – Не специалист, знаете ли.

– А вы, похуже, ни в чем не специалист, – не пожалела его Осипян. – Только пальцы веером разводите горазды, – мы достигнем, мы преодолеем! Замполит вы, – вот кто. Ох, похуже, влипла я с вами.

– Слушайте, что вы всё по мне, как трактором, ездите? Могли бы как-то и... не так агрессивно. В конце концов, нравлюсь я вам или нет... – Нет!

Рублев хмыкнул:

– За откровенность отдельное спасибо. Но я все-таки ваш партнер и пришел по вашему приглашению. Остались же законы восточного гостеприимства!

– Это правда, – Осипян быстро поднялась.

– Что?

– Что разговор назрел. И что гость тоже... Вы на машине?

– Да, – опасливо подтвердил Рублев в ожидании новой выходки. – Только я сам за рулем.

Вчера Подлесному удалось доподлинно установить, что единственным объектом готовящегося покушения выбран президент банка Керзон. Узнав об этом, Рублев отказался не только от охраны, но и от шофера.

– А водить-то вы хоть умеете? – Осипян с сомнением пригляделась. – Ладно, придется рисковать. Подвезёте меня до министерства пищевой промышленности. По дороге и пообща-

емся – на нейтральной территории. Воленс-неволенс – но о чем-то договориться нам действительно надо. Чтоб раз и навсегда.

По сырому Гоголевскому бульвару в негустом потоке машин со стороны Воздвиженки неспешно двигался личный «СААБ» Рублева.

Прямо перед машиной через дорогу нахально перепорхнула беззаботная студенческая стайка в вязаных шарфах и с воздушными шариками.

– Совсем мы с вами с этой работой от жизни отстали. Москва-то к Новому году готовится, – завистливо подметила Осипян.

Дома на противоположной стороне бульвара были увешаны рекламными щитами – «Снежное шоу Славы Полунина», «Новый год в Арлекино. Включено всёёёё!», «Москва – Токио. 31 декабря. Новогодняя ночь в Гостином дворе».

– Где отмечаете? – спросил Рублев, дабы заполнить паузу.

– Как всегда. Дома, с сыном. Если не сбежит стервец. Пятнадцать исполнилось. Так что – может, и вовсе одна.

Рублев скосился влево и вдруг – столь резко вывернул машину к обочине, что едва не врезался в ползущий впереди «Жигуленок».

– Это к чему бы так? – желчно поинтересовалась повисшая на ремне безопасности Осипян. – Может, я и была с вами недостаточно вежлива. Но не настолько, чтоб мордой о стекло.

Она проследила за взглядом своего спутника и – прервалась обескураженно.

– Неужели... Второв? – глазищи ее широко раскрылись. На заиндеветшей бульварной скамейке спиной к ним нахохлилась одинокая рыхлая фигура.

– Думаете, это он? – Манана почему-то перешла на шёпот.

Рублев неуверенно кивнул. Еще какое-то время посидел за рулем, словно сомневаясь: – У него через месяц после... ухода из банка обширный инсульт случился. – Да, я слышала.

– Похоже, недавно выписали. Хотите подойти?

– Нет. Боюсь, – Манану передернуло. – Я лучше здесь.

Рублев кивнул, перебежал дорогу, перебрался через низенькую витую решетку и принялся со спины подступать к сидящему: сначала – стараясь окончательно убедиться, что не ошибся, затем – колеблясь, стоит ли затевать разговор. Но уже знал, что не удержится и все равно подойдет. Он выбрался на аллею и остановился перед опершимся на трость, углубленным в себя человеком.

Ни хруст снега, ни громкое дыхание рядом не вывели сидящего из состояния задумчивости. Лишь после паузы он неохотно, с усилием поднял лобастую голову.

– Т-ты? – вяловато удивился он. – З-зачем? Слова давались ему с трудом. Левая, перекошенная книзу половина рта не попевала за правой.

Рублев сглотнул слюну: инсульт совершенно изуродовал знакомое до деталей лицо.

– Проезжал мимо. Увидел. Ну, как ты, Володя? Слышал, что болел. Чем сейчас занимаешься?

– С Б-богом беседую. А вы, з-знаю, все там же. Об-борону держите, – сквозь гримасу пробилась знакомая усмешка. – Держим, – коротко подтвердил Иван Васильевич.

– Страстот-терп-пец ты наш. Не устал т-треп-пыхаться-то?

– Кому-то надо.

Второв раздраженно насупился:

– И как?

– Непросто, конечно. Но – появились перспективы. За тебя у нас Керзон.

Иван Васильевич принялся было рассказывать о банковских событиях, но заметил, что собеседник нахмурился, и – прервался.

– Про наших что знаешь? – спохватился Рублев. – Рассказать, кто где?

– Н-нет. И... не инт-тересно.

Глаза Второва в самом деле подернулись *пленкой безразличия*.

Разговор не заладился. Рублев переступил ногами, собираясь попрощаться.

От Москвы-реки донесся тугой гул церковного колокола Храма Христа Спасителя.

Взгляды обоих пересеклись. И оба поняли, что припомнилось им одно и то же: заливи-стый звон церкви Всех Святых на Кулишках – под банковскими окнами.

– Да-а, – выдохнул Второв. – Част-то в-вот думаю: для ч-чего все б-было? Для чего столько всего, чтобы вот так кончилось?..

Он потряс головой, раздраженный внезапной для самого себя откровенностью, и, боясь услышать ответ, нетерпеливо замахал здоровой рукой:

– Н-ну, иди, Иван В-васильич. П-поговорили и...иди.

Рублев повернулся.

– Ив-ван В. в... – окликнул его Второв. – Ты в-вот что...д-держись т-там.

– Постараюсь, – благодарно кивнул Рублев. – Может, тебе что надо? Помочь хоть чем?

– Иди же ты, н-наконец! Что ж так н-не п-понимаешь-то?! – с ненавистью выкрикнул Второв.

Рублев кивнул тягостно и пошел к машине.

Возле ограды обернулся на громкий женский крик. – Нашла-таки! – с противоположной стороны к скамейке спешила женщина в накинута пальто. Рублев взгляделся: это была быв-шая жена Второва. – И что ж ты такой непослушный! Как дорогу-то перешел, Господи? Ведь задавили бы. Как свят, задавили бы!

Она подбежала к сидящему, который, откинув в сторону негнущуюся ногу и навалив-шись на трость, с усилием поднимался.

– Да не мучайся, помогу. Пойдем потихоньку. Там и бульончик готов. И сериал твой скоро начнется.

В хлопотливом голосе ее причудливо перемешались страдание и радость. Когда-то они разошлись, потому что на неё его не хватало. Теперь он принадлежал ей – без остатка.

Вернувшийся в машину Рублев склонился на руль.

– Страшно-то как, – пробормотала Осипян. – Вчера еще глыба. А сегодня – вот так. У него хоть деньги на жизнь остались?

– Что? – Рублев поднял голову. Он был захвачен своими мыслями. – Да, конечно. Для чего только? Вот есть миллион, есть десять, есть сто! Ведь, строго говоря, прожить безбедно достаточно и миллиона. Но нет, ты стремишься к десяти. А лучше – к ста и более! И так бесконечно. Почему?!

Он требовательно посмотрел на Осипян.

– Деньги. Вечная цель человечества, – пожал плечиком та. Банальный вопрос вызвал банальный ответ.

– Да вот не цель же! – Рублев рассердился. – Вот плохо и мелочно, если цель. И заведомо обречено. Потому что тебя же они и сожрут. Никто не рождается шлаком! Шлаком становятся! Понимаете?

Увидел, что она не понимает.

– Да где тебе! Баба и есть баба, – раздраженно выкрикнул человек, еще за минуту до того бывший безукоризненно вежливым профессором. – Мы вот с ним, с Володей начинали. И цель-то была! – не находя слов, Рублев потряс руками. – Великая! Империю финансовую создать! Чтоб на всю страну! Технологии научные поднять и через банк – запускать в про-мышленность! Вроде как обновление через стволовые клетки. Как американцы через автомо-били поднялись, а мы чтоб через инновационное финансирование! И в роли сердечника наш банк. Над нами сперва смеялись. А мы-то двигались! И вполне могли достичь своего. Могли же! – он с невольным укором глянул на ковыляющую по бульвару фигуру. – Вот где цель! А

деньги что? Средство. А потом у Володи произошла вроде как подмена цели. Захватило его всевластие. Все больше и больше захотелось! Уже неважно, для чего. Важно достичь. И как с высоты рухнул, так сразу и надломился. Я так про эту его болезнь думаю. Денег-то на дожитие у него преизрядно.

Он виновато повернулся к спутнице. На него с живым интересом смотрели огромные глаза-маслины.

– Что-то я тут в запале брякнул лишнего?

– Да. И слава Богу. – Она успокоительно положила ладонь на его руку. – Даже не думала. Недооценила я вас. Не замполит вы. Политрук. Мне только любопытно: как же вы дальше-то с таким замахом жить собираетесь? – Да все то же. Буду держать позицию. И ради того, чтоб сохранить банк, на все пойду!

– На всё? – Осипян вновь насупилась. – И мой холдинг продать?! Только начистоту.

– А что остается? Чтоб не утонуть, нам придется сбрасывать балласт.

– Балласт! – выкрикнула она с прежней злостью. – Лихо! Цель у него, видишь ли, великая! А что со мной будет, и в голове не лежит? А то, что холдинг мой – это пятьдесят процентов российской кондитерки? Причем лучшие пятьдесят. Это вам невдомек? У меня только на «Юном коммунаре» оборот по двадцать миллионов рублей в день. Рентабельность десять процентов! И это когда весь рынок рухнул!

Рублев обескураженно тряхнул головой:

– Манана Юзефовна, успокойтесь. Заверяю, что переговоры с покупателем будем проводить цивилизованно, с вашим участием. Еще и получше нас хозяина вам подберем!

– Да уж хуже некуда! – огрызнулась Манана. – Слушайте, вы что, всерьез полагаете, что без вас на мою кондитерку женишков не хватает? Зарятся. Каждый день обхаживают. Факсами и любовными телеграммами засыпают. Между прочим, у вас за спиной. Другого боюсь, чего вы, похоже, не знаете или вам до того дела нет. Она ухватила его за пуговицу.

– Обаяют-то заграничные «кондитеры». «Марсле», не к ночи будь помянут, особенно домогается. Только нужно им на самом деле уничтожить всё, что нами наработано, да на моих площадях свои «Сникерсы» да «Марсы» паленые гнать. Еще бы – такой рынок на халяву под себя подмять! А я, милостивцы мои, всю жизнь на российскую кондитерку проработала. У нас такие эксклюзивы, какие Западу и не снились. Только раскручивай. Еще девятнадцатого века технологии сохранились. Да хоть сливу в шоколаде возьмите. А халва взрывная, что во рту тает? Я сама над ней десяток лет работала, прежде чем до секрета дошла. А грильяж в шоколаде? Основу до сих пор старухи месят. Ни весов, ни дозаторов. Пробовали секретец утянуть, ан – хрена с два! Вся рецептура на кончиках пальцев. И что? Всё в утиль прикажете? Цель у него, видишь ли, великая! А не получится если? Затравит вас Онлиевский. Порвет на куски. И – нет цели! А то, что за это время российскую кондитерку за здорово живешь уничтожите, так это ничего? Спишется? Да? Хотели как лучше? Да?... Да оставьте себе свой дурацкий платок!

Она зарыдала, уткнувшись лицом в «бардачок». Обескураженный Рублев погладил ее по подрагивающей спине.

– Да ладно вам. Еще же ничего не случилось, – бормотал он. – Пока только наметки. Еще раз просчитаем, прикинем. Не чужие!

Осипян подняла опухшее лицо.

– Я просто оглашенная баба, – всхлипнула она. – С мужем разошлась. Вот такой муж был! Вам такого черта с два найти. Известный на всю страну человек. И то – не выдержал. Бросил. И дурак был бы, если б не бросил. Ведь по шестнадцать-двадцать часов на производстве. Сыну пятнадцать лет. И – что? Много он меня видит? Иногда, впрочем, видел, пока я его в Англию в колледж не загнала! Так он там какой-то ноутбук спёр. Специально, понимаете? Чтоб в тюрьму посадили. Чтоб мамочка родная о нем вспомнила. Мамаша! Всем мамашам мамаша. А вы

фабрику продать хотите. Сволочи вы после этого! Не хочу ни в какое министерство. Везите меня назад. Мне еще совещание с технологами провести надо.

– Знаете что, – предложил Рублев. – Я завтра вылетаю на переговоры с западными кредиторами. А по возвращении подъеду. Может, что и придумаем! Добро?

Он примирительно протянул руку.

– Придумает он! – проворчала Осипян. – Чтоб придумать, мозги иметь надо.

Иван Васильевич лишь покачал головой, – к ее взбрыкам он, кажется, начал привыкать.

В тот же вечер Рублев дал указание Дерясину переговоры о продаже кондитерского холдинга приостановить.

6

– Как фамилия?! Лобанов? – Керзон вскочил. – А представляется как Дэни?

– Как господин Лобанов, – буркнул Дерясин. Переглянулся с Кичуем. Керзон, до того вяловатый, придавленный ожиданием неизбежной встречи с Суслопаровым, при упоминании Лобанова вспыхнул радостью. Как отчаявшийся человек, для которого внезапно забрезжила надежда. – Черт! Выходит, есть еще фортуна. А когда обещал придти? Главное, чтоб не передумал. У него ведь ветер в голове гуляет.

Керзон схватился за трубку связи с секретаршей:

– Немедленно позвоните в бюро пропусков. Как только подойдет такой – Лобанов, тут же чтоб проводили ко мне... Нет, пожалуй, проверьте прямо сейчас. По параллельной связи. Ага! Жду.

Оживление его было неестественным. Кичуй глазами спросил Андрея, понимает ли он что-то. Но тот, и упоминувший-то про шалого морячка вскользь, в связи с Жуковичем, скроил недоуменную гримасу.

Дородный Керзон грохнулся в кресло, шумно откинулся.

– Как раз оформляет пропуск. Хоть одна хорошая новость. Чего переглядываетесь, юные друзья? Решили, что не в себе? Так будешь не в себе. Не каждый день на тебя «заказ» оформляют, – с поддельной веселостью объявил он.

– Как это «заказ»? В смысле?... – синхронно отреагировали Кичуй и Дерясин. – В том самом, – с мазохистским удовлетворением подтвердил Керзон.

– Но откуда известно? – оба вытянули шеи.

– Сами понимаете, не из официального сообщения ТАСС. Служба безопасности установила еще неделю назад. А вчера получили сведения о заказчике, – похоже, работа моего друга Суслопарова.

– Но это странно все-таки, – Дерясин вскочил и принялся раскачиваться, как делал всегда в минуты крайнего волнения. – Конечно, Суслопаров, чего говорить, как бы не подарок. – В рафинированном воспитании его точно не упрекнешь, – ввернул Кичуй. – Но все-таки не «браток» тамбовский. Существуют же цивилизованные правила. – Заказ – штука серьезная. Его еще заслужить надо, – изрек Кичуй. – А то не заслужил, – Керзон обиделся. – Он же на триста пятьдесят миллионов налетел. И меня считает прямым виновником. Какие после этого правила? Тут любой в разгон пойдет.

– Но смысл, Александр Павлович? Смысл! – Кичуй нервно снял очки и принялся протирать их галстуком. – Заказывают, чтоб деньги отбить или там не возвращать. А тут – в чем логика? Ну, убьют вас... Тьфу-тьфу, конечно, – он заметил, как метнулся взгляд Керзона. – Но деньги-то тем не вытащишь.

– О, рациональные компьютерные чада! Во всем им логическое зерно подавай. Да без всякого зерна прихлопнут и – спасибо не скажут. Закусил мужик удила – не верну, так сотру! Кстати, в этом как раз и есть логика. Этого убью, следующий, глядишь, порасторопней начнет искать способ рассчитаться. Да и сколько раз грозил напрямую. Не, заказал! Непременно – заказал.

Кичуй и Дерясин попритихли. Никому из них прежде не приходилось сталкиваться с чем-то подобным. И вот смерть пахнула холодом совсем рядом. Но от того, что острие косы ее направлено на другого, каждый из них почувствовал наряду с состраданием невольное, подленькое облегчение.

– Дайте Подлесному команду срочно увеличить охрану! – спохватился Кичуй. – И семью бы, Александр Павлович...

– Да сделано. Только, сами понимаете, против хорошего киллера – все это семечки. Найдет, где и как ушутить, – со смешком отреагировал Керзон. Но голос, впрочем, подрагивал.

Дверь распахнулась, и Дерясин увидел вчерашнего морячка. Был он неправдоподобно свеж, небрежно изыщен и – неожиданно – молод. Несмотря на декабрьский мороз, в узконосых «лодочках». Свободный голубоватый джемпер обтекал атлетический торс. И даже вчерашняя небритость за ночь преобразовалась в зарождающуюся шелковистую бороду.

От «морского» его вида остались лишь глаза. Муть в них осела, и теперь они отливали пронзительной голубизной. Будто море наутро после шторма.

– Здорово, Палыч, друг старинный, – нараспев произнес он.

– Дэнкя Лобанов, собственной персоной! – Керзон вскочил с невиданной для тучного тела быстротой, устремился навстречу, едва не споткнувшись, и обхватил руками за плечи. – Объявился-таки чертяка блудный. Садись же, садись.

Он с силой усадил Лобанова у края стола, рядом с Андреем. Сам уселся напротив. Спихнулся. – Ох, я ж вас не познакомил.

– Вчера уже схлопотал это удовольствие, – холодно отреагировал Дерясин.

– Кичуй, – оказавшийся напротив Игорь даже не привстал. Просто протянул через стол длинную, как коромысло, руку. – Но мы ждали Олега Жуковича. Где он? – Завтра появится. Приводит себя в порядок, – Лобанов хмыкнул. – Появится, приступит. Бог с ним пока, – нетерпеливо вклинился Керзон. Ему явно было не до Жуковича и не до проблем с восстановлением реестра.

Кичуй и Дерясин удивленно переглянулись.

– О себе лучше давай. Где ты? Что? – президент все не мог успокоиться. – Я ведь тебя, подлеца, разыскивал... Рассказывай же, куда запропал, Что будешь? Чай? Кофе?

– Потанцевать. Не суетись, Палыч, – Лобанов осмотрелся. Втянул воздух. Хмыкнул. – Надо же – Второвым до сих пор пахнет. А случилась со мной, Палыч, незадача. Подписался под Владивостоком рыбные финансовые потоки отследить. За приличные вроде «бабки». Отследил на свою голову. Заказ-то мэрия сделала, – вроде как для борьбы с браконьерством. А на самом деле – чтоб поторговаться. Ну, и сторговались на моем материале. И так складненько у них сошлось, что лишним для всех я сам как бы оказался. Вот и пришлось мне прямо по морозцу сигануть в гавань и с километр вплавь – до ближайшего сейнера. Тот как раз уходил в путину. Выбирать не приходилось: либо в путину, либо... Он спикировал рукой вниз. – В пучину, – почти любовно закончил за него каламбур Керзон. – Так что и порыбачить случилось. Даже профессию судового механика освоил.

Лобанов подмигнул Дерясину.

– Да, в чем тебе не откажешь: всегда умел найти на свою задницу приключения, – восхитился Керзон. – Погоди, так это получается, что тебя тоже как бы «заказали». – Не как бы. А более чем. Но почему собственно – «тоже»?

– А потому что мы с тобой, похоже, товарищи по несчастью. А товарищи должны друг друга что?... Ты мне очень нужен, Дэни! Да что мне? Банку, – спихнулся Керзон. – Статус – вице-президент с соответствующим окладом!

Заметил, как нахмурились Кичуй с Дерясиным.

– Вот тоже – вице. Головастые ребята. Очень серьезная подбирается у нас команда. Заряженная общей идеей. Сам убедишься – жив еще корпоративный дух! А?

Но патетический его тон Лобанова, похоже, не впечатлил.

– Статус, оклад, команда, – кисло посмаковал он. Прошелся ироничным взглядом по хмурым вице-президентам. – Это все мальчишковые игрища взамен казаков-разбойников. Да и разговорами про корпоративную честь, прочие ля-ля, не обессудь, со второвских времен раз и

навсегда объелся. И преданность моя простая – ты платишь, тебе предан. Предложит больше другой – не обессудь. Главное – чтоб хороший контракт.

– Будет, – полоснул Керзон. – Готовь свой вариант, подпишу.

Дерясин и Кичуй вновь переглянулись. В обоих нарастало раздражение.

Лобанов подметил это. Прищурился вызывающе.

– И еще. Я, Палыч, как ты знаешь, человек короткого дыхания. От длительной дистанции утомляюсь. Да и имею мыслишку: под будущее лето шарахнуть на джипах через Африку. Впрыснуть чуток адреналинчика.

Он мечтательно зажмурился.

– Так что, если согласен, давай забьем на полгода.

– Согласен, – без паузы подтвердил Керзон. – Хотя... думаю, адреналинчику тебе и здесь достанет. Мне во всяком случае мало не кажется. И раз уж стартовали, попробуй прокачать одну стремную ситуацию. Завтра у меня встреча с таким нефтяным генералом... Сулопаров фамилия. Всё очень за гранью. Вплоть до киллерского «заказа». Так вот нужен твой свежий взгляд. Секретарша откроет свободный кабинет и – принесет документы. Вникни и заходи. Лады? Поищи, может, есть хоть какая-то щель, чтоб нам с ним разойтись. Иначе...

Керзон уныло вздохнул: бодриться у него больше не получалось.

Лобанов поднялся, изобразил общий дурашливый поклон:

– Он постарается.

И вышел.

– Можно хотя бы поинтересоваться?... – уязвленно потребовал Кичуй: до сих пор лучшим специалистом по придумыванию тонких, нестандартных ходов считался он сам.

– В самом деле, Александр Павлович. Мы как обычно принимаем любое ваше решение. Тем более ситуация как бы стремная, – Дерясин почесал затылок. – Но все-таки – кто этот малый и с чем его едят?

– Это? Законченный отморозок, – неожиданно отрекомендовал Лобанова Керзон. – Но – талантливый, бесяга! Несколько смущенный собственной суетливостью и выказанным страхом, он улыбнулся искательно.

– Четыре года назад пришел он ко мне совсем пацаном. Какой же это был год? Если сейчас ему двадцать пять... – Сколько?! – не поверил Дерясин.

– Да, он всегда старше своих лет выглядел. Это, видно, от манеры держаться идет. Привык со всеми на равных. Так вот в банк он пришел, соответственно, в двадцать один. И вот так же небрежно, на «ты», предложил наладить работу с ценными бумагами. Тогда это направление только-только зарождалось. И что думаете? За неделю подготовил ТЭО и бизнес-план. Когда я отвел его к Второву, тот тоже проникся и дал добро. Кстати, он как раз и изрек первым это – «талантливый отморозок». Это уж когда они с Лобановым передрались. Как раз через год. Дэни к тому времени дело широко поставил. Команду собрал. Все как один старше его. Но – слушались беспрекословно. Есть в нем стержень магнитный! Кстати, того же Жуковича он привел. Когда деньги хорошие пошли, Лобанов потребовал от Второва пересмотреть условия контрактов, чтоб его команда получала процент от прибыли. Нормальное по нынешним временам желание. А тогда... Второв считал, что право работать на банк за зарплату уже счастье. И схлестнулись, как два кремня, – аж искры. Один просить не умеет. У другого на ультиматумы аллергия. Пытался их образумить. Бизнес-то деньги приносить стал. Какое там! Амбиций в обоих с избытком. На правлении Лобанов публично обозвал Второва жлобом и ушел. – С таким характером и мы наплачемся, – неприязненно предсказал Кичуй.

– Очень может быть. Но Лобанов, он многостаночник: и антикризисное первым освоил, и конвертационные схемы, – за что ни брался, всегда успех. Но что да, то да: бешеное самолюбие. Потому и не задерживался нигде. Решал проблему и – уходил. Денежки обещанные, правда, выбивал сполна.

– Так это что ж получается? – Игорь недоуменно поглядел на Керзона. – До сих пор мы позиционировали себя как команда единомышленников. А теперь, выходит, берем на работу наемника. Если завтра перекупят, так он банк сдаст влегкую?

– Может, и так, – Керзон потер подбородок. – Я ведь его изнутри не шупал. Внутри он никого не пускает. Но поскольку ситуация у нас с вами самая что ни на есть аварийная... У меня во всяком случае. Тут не до сантиментов. Спасатели нужны. А этот из лучших. Вот когда выпрямимся, если даст Бог, – он с трудом удержался, чтоб не перекреститься, – тогда и распрощаемся. Нет возражений? Возражений не последовало. В конце концов именно Керзон оказался под прямой наводкой вражеской артиллерии. Ему и решать.

К концу дня Керзон вновь пригласил Дерягина к себе. Следом в кабинет вошел Лобанов. Кичуя в банке уже не было: вместе с Рублевым вылетел в Амстердам.

– Толково прописано, – Лобанов бросил на стол план финансового оздоровления. Андрей против воли зарделся от удовольствия.

– На бумаге толково, – уточнил Лобанов. – Без двухсот лимонов долларов на разгонку все это обычный онанизм.

– Неужели? А мы-то, дураки, сами не знали, – разочаровался Дерягин. После романтической Керзоновской рекомендации втайне он ждал от этого наглеца чуда.

Сам Керзон разом утх. Бледные губы его обреченно задрожали:

– Стало быть, насчет Суслопарова...

– А вот как раз насчет Суслопарова есть одна мыслишка, мужики, – с той же насмешливой ленцой процедил Лобанов. – А заодно и насчет того, как добыть денег. – Не понял, – раздраженно пробасил Дерягин. – Причем тут добыть? Суслопарову, наоборот, возвращать надо. Если б было чем.

– Так в этом вся фишка. Как в теннисе: чем сильнее на твою сторону колотят мяч, тем легче отбить, – не надо даже самому лупить. Достаточно использовать энергию противника и подставить ракетку. Почему бы нам не использовать в своих целях самого Суслопарова? Я тут кое-что накидал.

Он вытащил из-под стопки мелко исписанный лист бумаги. Все трое, не сговариваясь, сдвинулись теснее.

7

Игнат Суслопаров приехал в банк в раздраженном, взвинченном состоянии. Впрочем в таком состоянии он пребывал отныне постоянно. В отличие от прочих иностранных компаний, «Бритиш петролеум» не испугался дефолта. Во всяком случае не настолько, чтобы бросить на полдороге сулящий серьезные выгоды Архангельский проект. Для самого Суслопарова проект этот чем дальше, тем больше становился определяющим. Постройка наливного терминала и перерабатывающего завода на Белом море изменяли весь нефтяной расклад в стране. Сам он после этого из крупного сибирского нефтепромышленника превращался в стратегического олигарха, обеспечивающего сырьем весь северный регион. Конечно, Игнат не был настолько наивен, чтоб не понимать: другие владельцы нефтяных вип-компаний постараются помешать его резкому усилению. И свидетельства тому уже появились. В том же Петербурге, который он считал своей вотчиной, в последние месяцы началось активное выдавливание его предприятий. В декабре были застрелены два менеджера, отвечавшие за работу автозаправок «Сахранефти». Новый мэр разводил руками, делая вид, что не в силах повлиять на криминальные структуры. Да что Питер, если даже Глава администрации Сахры, еще вчера покорный, вдруг начал требовать внесения в местный бюджет задолженности по платежам. Положим, этого зарвавшегося щуренка «обломать» нетрудно. Но многомиллионные претензии предъявила федеральная налоговая инспекция. И это уже куда посерьезней. Потому что за всем этим ощущалась одна дирижирующая рука – ненасытный Онлиевский, которому всегда и до всего есть дело, полагающий всю страну зоной своих интересов. Два года назад он безуспешно пытался перекупить «Сахрунефть». Теперь, как видно, решил, что пришло время скрутить ослабевшего конкурента. Так вот Игнат не был наивен. Он сделал ответный ход: предложил участие в наливном проекте «Лукойлу» и «Газпрому» и – получил принципиальное согласие. После этого даже пронырливый нетопырь Онлиевский, этот достойный потомок детей лейтенанта Шмидта, вынужден будет уйти с чужой территории. Оставалось запустить проект. Но никто: ни осторожный «Бритиш петролеум», ни ухватистые российские «нефтяри», – не собиравшись сразу, без гарантий возврата, вложить свои деньги. Кто-то должен рискнуть первым. И Игнат как главный закоперщик готов был это сделать. Готов, но не мог. Средств, получаемых от реализации нефти и нефтепродуктов, после обвального падения цен едва хватало, чтобы покрывать расходы. Триста пятьдесят миллионов долларов, зарытых в «Возрождении», – вот верное и единственное решение всех проблем. Но надежд добраться до них у Суслопарова оставалось все меньше, – банк безнадежно тонул. И это ввергало Игната в неконтролируемую ярость. В последнее время он жаждал встреч с Керзоном не столько для обсуждения вариантов решения проблемы – в реальность этого он перестал верить, – сколько ради удовольствия выплеснуть в хитрую откормленную банкирскую ряху скопившуюся ненависть и – сладострастно ощутить переполнявший того ужас.

Внизу, возле охранника, нефтяного «генерала» встречал Андрей Дерясин.

– Что? Все жируете на чужие деньги? – Суслопаров прошелся задиристым взглядом по золоченым перилам лестницы. – Ничего, ешь ананасы, рябчиков жуй. Погодь, я вас, халявщиков, скоротенько упеку в Бутырку. Там уж пороскошествуете. А кого и подале зашлю.

– Александр Павлович Керзон ждет, – лаконично произнес Дерясин. Повернулся к секьюрити:

– Охрану господина Суслопарова проводите в комнату отдыха.

Старший группы вопросительно посмотрел на шефа.

– Ступайте, – разрешил Игнат. – Если что, я им, сволочам, сам морды понабиваю. Ну, веди, холуй.

– Я, если вы запомнили, вице-президент банка, – вспыхнул Андрей.

– Значит, вице-холуй! – довольный собой, Суслопаров загоготал. – Ну, давай, давай, не задерживай! И рожи не корчь. На обиженных, знаешь, воду возят.

Резко повернувшись, Дерясин шагнул по гостевой лестнице. Лица его, подрагивающего от обиды, шедший позади Суслопаров не видел. Впрочем уже на первом пролете Андрей взял себя в руки, памятуя, что главное сейчас – заставить сибирского хама принять подготовленные условия.

Во всяком случае, пропуская Суслопарова в президентский кабинет, он вновь лучился приветливостью. В кабинете, кроме самого Керзона, находился незнакомый Игнату бородатый парень в джемпере, рассматривавший вошедшего с неприличной пристальностью.

– Какие люди в нашем доме! – Керзон с оживленным видом вскочил навстречу. – А я гляжу, назначенное время истекает. Думаю, может, планы переменялись.

– Это ты мне, что ли, время назначил? – Суслопаров, проигнорировав протянутую руку, прошел к столу. – Время жить и время умирать я сам определяю.

С удовлетворением отметил, что при этих словах наигранная веселость схлынула с Керзона.

– Чего пацанами обложился? Вдвоем остаться боишься? Так ты свое так и так схлопочешь. Пусть твои мальчишки пока погуляют.

Керзон смешался:

– Дело в том, что я пригласил людей как раз по вашему вопросу.

– Да нет, это не мой, это твой вопрос, – не дал договорить Суслопаров. – И если не хочешь, чтоб я по тебе при подчиненных прошелся... – У нас имеется конкретное предложение, которое мы планировали с вами обсудить, – пришел на помощь своему президенту Дерясин. – Мы за это время как бы...

– Да чхал я! – оборвал его Суслопаров. – Еще один предложенец выискался. Собрались тут бездельники. Тебе сколько лет? – Причем тут?.. Двадцать шесть, – буркнул Андрей. – Я в двадцать шесть скважины после Губкинского бурил. Чтоб своими руками мать-землю общупать. С исподнего. А ты тут ловко пристроился возле чужих денег погреться. Ишь – предложение у него! Ты мне украденное вынь да положи. Не затем я сюда пришел, чтоб трепотню вашу слушать!

– Тогда зачем? – сквозь зубы процедил бородатый. – Приперся сюда зачем, спрашиваю?

– То есть? – не сразу понял Суслопаров. – Чего-о? Ты вообще знаешь, тля, кому тыкаешь? Ты – кто?

– Конь в пальто, – представился незнакомец.

– Это... – Керзон сделал Лобанову страшные глаза. – Это, Игнатий Петрович, наш новый эксперт правления господин Лобанов. Дело в том, что именно он...

– Не мельтеши, Палыч, сам представлюсь, – Лобанов положил ему на плечо руку, заставив суетливого президента опуститься в кресло. – Так вот, ответь, мил-друг, чего тебе от нас надо: деньги вернуть или самолюбие свое ущербное вот об этот косяк почесать?

Насмешливый взгляд его хлестанул по озадаченному олигарху, давно отвыкшему от мысли, что хамство может быть улицей с двусторонним движением.

– Наобсуждался с вами довольно. На всю оставшуюся жизнь хватит! – рявкнул Суслопаров. – Иль, думаете, не знаю, что у вас еще почти на четыре миллиарда долларов заныкано? А вы мне тут пургу гоните, вместо того чтоб из этих денег мои кровные триста пятьдесят отсчитать. – Да могли б, давно вернули, – простонал Керзон.

– Поймите же, Игнатий Петрович, – Дерясин, уловив в тоне олигарха сомнение, придвинулся ближе. Тон его сделался едва ли не сюсюкающим, как с капризничавшим ребенком. – Активы в самом деле числятся. Но, считай, что и нет, потому что неликвидные. Зарыты по разным местам и обратить их быстро в деньги нельзя. Особенно пока банк не работает. Это тот самый локоть, что как бы и не укусишь.

Керзон доверительно склонился:

– Даже если бы захотели вернуть только вам... А мы очень хотим, – поспешно поправился он, – не дадут другие. Те же иностранцы, перед которыми у нас обязательств на восемьсот миллионов долларов! Первые же выплаты, – и нас начнут банкротить. А тогда всё, что соберем, выплачивать сможем только по очередям.

– А твоя очередь, брат олигарх, у двери, – Лобанов, на которого Суслопаров все это время невольно косился, злодейски присвистнул. – Так готов все-таки к конструктивному разговору или ну его на хрен, эти деньги? Будем выше?

– Ну-ну, – Суслопаров скептически глянул на часы, отмеряя меру собственного долготерпения.

– В общем как бы так, – заторопился Дерясин. – Единственный способ, чтоб мы с вами рассчитались, – это сделать, чтоб банк заново набрал обороты. Для этого всё готово. Надо только выбить из ЦБ двести...

– Двести пятьдесят, – подправил Лобанов.

– Да. Миллионов долларов. И...

– Вы сразу отдадите их мне? Так выбивайте! – разрешил Суслопаров.

– Центробанк не дает нам кредит, – сокрушенно признал Керзон. – Главное, наши же резервы. Но – не дает.

– Мне-то для чего эти ваши байки слушать? – Суслопаров нахмурился.

– Надо помочь выбить кредит, – простенько объявил Лобанов. – Из этих денег мы сразу вернем тебе пятьдесят «лимонов».

– Да вы... Вот это так наглецы! – почти восхитился Суслопаров. – То есть мало что чужими руками жар загрести хотите. Так еще из этого жара, дай Бог, седьмую часть они отдать соизволят... Да я вас, поганцев, в пыль разотру! Перестреляю к черту, чтоб земля таких кидал не носила!

Губы Керзона задрожали. Сквозь наигранное оживление проступил безотчетный страх. Дерясин обреченно отвернулся: переговоры не задались.

– Опять Рэмбо попался, – хмыкнул Лобанов. И вдруг, от собственной незатейливой шутки, развеселился и захохотал, обнажив ровные, как морские камешки, зубы. Хохот этот оказался столь заразительным, что даже Суслопаров невольно скривился, пытаясь удержать в себе улыбку. В этом плечистом самоуверенном наглеце, позволявшем вести себя с ним так, как не позволяли даже губернаторы, он признал мужика своей породы. Редкой, по его собственному убеждению, флибустьерской породы. Когда во всем до конца: и в слове, и в деле.

– Ну, перестреляешь всех, дальше-то что? – посерьезнев, полюбопытствовал Денис. – Ты ж мужик, в общем-то, по слухам, вменяемый. Иначе б не подмял под себя такую махину. Ты не торопись отметать. Вникни, что предлагаем. Тут же все интересы совпадают. Деньги эти – единственный путь нам разойтись. И для тебя они, может, нужней.

– Что значит «может»? Мои денежки-то.

– Твои. Именно что. Но – тоже зарыты. А тебе их позарез в Белое море вложить надо. Онлиевский-то поджал, поди?

Суслопаров при упоминании ненавистной фамилии поморщился, что не укрылось от Лобанова.

– То-то что, – продолжал он наседать. – Отслеживай алгоритм. Ты выбиваешь двести пятьдесят для банка. Банк проводит неотложные платежи, разблокирует счета и начинает дышать. Пятьдесят отпускаем тебе сразу. Больше не сможем. Да тебе больше для старта и не надо. А далее – выплачиваем ежеквартальными траншами, подгоняя под твой график строительства. За два года закроем долг, да еще с процентами. Вот здесь вся цифирь прописана до центика. Можешь показать своим аналитикам. Ну! Или лучше вместо живых денег пулять?

– А если Вы рассчитываете, что скорее вернете деньги через банкротство, так об этом остыньте думать, – вставил расхрабренный Дерясин. – На банк наш Онлиевский глаз положил. Пытается себе прибрать. Как думаете, что достанется остальным?

– Потому и денег своих у ЦБ выпросить не можем, что Онлиевский всех за глотку взял, – вдохновенно заверил Керзон.

– Да уж, какие из вас Онлиевскому супротивники, – съязвил Суслопаров. – Но почему решили, что я – то смогу и, главное, захочу?

– Так в этом вся фишка, – воодушевился Андрей, но Денис перебил: – Насчет смочь, так одному тебе, положим, тоже его не осилить. Ну-ну, только не делай опять грозную нюню... Он с дерзким панибратством приобнял насупившегося олигарха: – Я вовсе не к тому, чтоб обидеть. Просто больно Онлиевский политического весу набрал. В одиночку против него рыпаться бессмысленно. Но за тобой «Газпром» и «Лукойл». Они же с тобой в одном интересе? Озадаченный Суслопаров едва заметно кивнул.

– А втроем вы – сила. После дефолта президентушке нашему на кого, кроме вас, нефтярей, опереться? Другие-то деньги он продрисал. Плюс «Бритиш». Тоже куда как серьезно. Проект этот ваш совместный ему как флаг в руки на западных переговорах. А запустить можно только нашими деньгами. Вот и выходит, что все звезды сошлись, чтоб у нас с тобой роман приключился. Так что, сольемся в экстазе?

– Это все еще поизучать надобно, – Суслопаров провел пальцем по стопке аналитических материалов.

– Так, господа, Игнатий Петрович, – всполошился Керзон. – Мы ж разве темним за вашей спиной? Наоборот, жаждем, чтоб все прозрачно.

– Ладно, ладно, – поморщился Суслопаров. – Бумажки эти отнесите в машину. Сегодня-завтра мои хлопцы поизучают. И если все без подвоха, переговорю с мужиками. Полагаю, поддержат. Тем паче Онлиевскому, тварюге, давно пора хвост прищепить. Я послезавтра как раз обещал в президентскую администрацию заехать, – там и докумекаем.

– Может, мне с вами? – вызвался Керзон. – Справку нужную дать, подпереть.

– Ты, пожалуй, подопрешь, – огрызнулся, поднимаясь, Суслопаров. – Жди, сам перезвоню.

От двери обернулся к Лобанову:

– Тебя, кстати, кто научил старшим тыкать?

– Умею и на «вы», – похвастался Денис. – Ежели обоюдно.

– А еще нефтяников беспредельщиками называют, – то ли выругался, то ли похвалил Суслопаров и в сопровождении суетящегося, груженого документами Керзона вышел.

– Нескушный мужик, – оценил Суслопарова Лобанов. Подмигнул Дерясиному, который все не мог поверить в удачу. – А что, брат Андрюха, не испить ли нам «отверточка»? Пожалуй, грамм по сто пятьдесят мы с тобой уже наработали.

– Завсегда! – восторженно согласился Дерясин. Переполнявшее его возбуждение искало выхода. – И как это ты его, Дениска, так ловко обработал? Ведь посмотришь – тигр! А ты с ним запросто. И ведь смирился! Знаешь, я всю жизнь мечтал, чтоб самому вот так уметь: чтоб не снизу вверх, а со всеми на равных. А вот не выходит. Сейчас самого вроде в начальство произвели, а все равно – робею. Да и по жизни. Ты вон чуть что, порвал всё и – в путину куда-то или там в Африку. А я... Сосед по лестничной клетке – хам из хамов. Жену публично кроет, так что мат по всему подъезду стоит. Иной раз думаешь, врезать бы. А вместо этого при встречах здороваюсь. Может, не дано?

– Пустое, Андрюха, – Денис слегка потрепал его по плечу. – Всё еще состоится. Чутко уверенности доберешь, обуркаешься и – состоится. Какие твои годы?

– И то, – Андрей благодарно кивнул. Всего за сутки делового общения от прежнего недоброжелательства к Лобанову в нем не осталось и следа. Напротив, как само собой разумеющееся он признал верховенство нового товарища.

Дверь распахнулась, – вернулся Керзон. Непривычно оживленный.

– Ну что, мальчиши, – он приобнял обоих. – Вроде прорвались. Суслопаров прямо при мне договорился о встрече с Вяхиревым. Похоже, стронулось с места. Тьфу-тьфу, конечно. Эх, если б еще у Рублева получилось западников уломать, вот тогда бы, считай, полная виктория!.. Но ты, Дэнька, еще больший наглец, чем я думал. Суслопаров ему мил-друг. Это ж Суслопаров! Ты против него болотце против океана. Бровью шевельнет, и – считай, нет тебя. Эх ты, мальчиш мой Кибальчиш любимый!

От полноты чувств Керзон потянулся обнять Лобанова.

– Насчет Кибальчиша – это не ко мне, – Денис неуловимым движением увернулся от увесистых объятий. – Мне так по сердцу как раз Плохиш. Большой был прикольщик.

8

Керзон, не в силах сосредоточиться, лихорадочно ходил по зашторенному наглухо кабинету.

Вернувшийся из Англии Рублев привез обнадеживающие новости. Конечно, предложение выделить «Возрождению» еще двести миллионов долларов западные банки-кредиторы не стали даже обсуждать. Зато удалось уговорить их «заморозить» долги, пока «Возрождение» вновь не наберет обороты. В Лондоне остался Кичуй, который на месте согласовывает детали нового договора.

Для банка это серьезная отдушина.

Но главной новости, которой Керзон ненасытно ждал, все никак не поступало, – Сулопаров упорно не выходил на связь. Хотя в администрации президента он должен был побывать еще вчера.

Набравшись смелости, Керзон несколько раз набирал номер Сулопаровского мобильного, но – абонент хронически оказывался «вне зоны действия сети».

Полный дурных предчувствий, Керзон в надежде получить хоть какую-то информацию позвонил в центробанк Гуревичу.

– Кто? Сулопаров? А чего ему у нас в ЦБ делать? – безмятежно удивился тот. – Он ведь не банкир. Хотя слышал от сеструхи, что вчера вечером вроде как улетел взад в свою Сахру.

– Как это улетел? – похолодел Керзон. – Он же собирался мне сообщить о результатах!

Гуревич хихикнул:

– Уж и не знаю, что там у вас за особые отношения. Но – был он в администрации президента – это точно. Вместе с Вяхиревым, кстати.

– И что?!

– Потусовались они там пару часов. Но с чем и у кого, не знаю. Туда не вхож. А дальше сел на собственный самолет и – тю-тю. А что? Собирались вместе по девочкам? Третьим возьмете?

– Да пошел ты со своими приколами, Семеныч! – Керзон бросил трубку и рухнул в кресло. Он понял главное: безупречный, казалось бы, вариант Сулопарова не устроил. А значит, над ним самим по-прежнему маячит угроза расправы.

Проклятый «заказ» лишил Керзона сна и покоя. За эти дни он полностью переменялся. Прежде, вальяжно–снисходительный даже в критических ситуациях, теперь он флаконами пил успокоительное, но это мало помогало. Больше не выходил из банка, ночуя прямо в кабинете. Но даже здесь с трудом удерживал себя от того, чтобы не запереть дверь изнутри. Хотя в приемной постоянно дежурили два автоматчика, всякий раз, когда кто-то входил, он вздрагивал, боясь увидеть перед собой таинственного киллера. Огромный стол по его приказу передвинули в угол, подальше от окна, – снайпер, если он знал расположение мебели, мог выстрелить наудачу с соседней крыши. Сейчас он ждал Подлесного, который все эти дни неустанно рыскал по своим связям, стремясь выйти на «киллерскую цепочку».

Дверь резко распахнулась, и Керзон невольно вжал голову в плечи.

В бесцеремонной своей манере – без стука – зашел Лобанов.

– Ох, и видок у тебя, Шарапов, – при виде взъерошенного, с воспаленными глазами президента он озадаченно качнул головой. – Крепко, похоже, пробрало. Что, от Суслика никаких новостей?

– Суслик! Если б суслик, – пробормотал Керзон. – В Сахру укатил наш суслик!

– Как это? – Лобанов озадаченно поскреб бородатые щеки. – И что? Даже без контрольного звонка?

– Контрольный звонок! Если только контрольный выстрел, – из объемистой президентской груди вырвалось что-то похожее на всхлип. – Боюсь, отказался он от нашего предложения. Или не смог на ЦБ надавить. Главное, что на полный разрыв пошел. И Подлесного до сих пор нет! Сколько можно шляться! За что деньги платим?

– Ты б себя в руки малек взял, Палыч. А то уж больно не в себе. По банку и то разговоры ползут.

– Разговоры! – обиженно произнес Керзон. – Одни под прицелом, а другим – разговоры да советы влежку давать! Охваченный внезапной горячечной идеей, он ухватил Лобанова за руку. – Дэнька! Я ведь к тебе неплохо всегда относился, а? Помогал. Не чужие, правда?

– Ну, – Лобанов осторожно высвободился.

– Слетай в Сахру! Не в службу, а в дружбу, слетай. Прорвись к нему. Объяснись. Ведь ты с ним как-то умеешь. Ну, не могу я ему его денег вернуть. Что ж теперь? Застрелиться?!

Чувство юмора на минуту вернулось к Керзону. С шутливой безнадежностью махнул рукой:

– Хотя впрочем самому можно не утруждаться... Ужас вновь завладел им. – В конце концов мы ж с ним вроде договорились. Он обещал. Слово давал. При тебе, помнишь? И вот теперь нате... Даже мобильник отключил. Ты его на это мужское слово возьми, а? Дэни! На колени встану. Вот до чего дошел.

Тучный Керзон в самом деле принялся сползать на пол.

– Да блюда ты себя, Палыч! А если войдут? – Денис бросился поднимать его. – Вот ведь подступило как. Может, еще Подлесный через свои каналы уладит. Чего горячку-то пороть? – И хорошо, если уладит. Уладит, так я тебе отзвонюсь. А если нет? Тогда на тебя надежда. Ну? – из уголков президентских глаз сами собой потекли слезы.

– Ладно, не бери в голову. Мы тут с Жуковичем начали план восстановления реестра набрасывать. К завтраму закончим и – сгоняю.

– Не, не, – зашептал Керзон. – Прямо сейчас. Прямо лети! Тут, может, час все решит. Давай подпишу командировочные и – лети. Нет важнее дел. Так да?

– Ладно, – согласился Лобанов. – Скажи, пусть берут билет на утренний рейс.

– На ночной, – дожал его Керзон.

Начальник банковской службы безопасности Вячеслав Иванович Подлесный появился у Керзона лишь под вечер. Сколько бы работы ни наваливалось на бывшего фээсбэшника, вид он сохранял по-утреннему свежий и энергичный. Поджарый, сплетенный из сухожилий, он, казалось, не знал физической усталости.

– Извините за вынужденное опоздание, Александр Павлович, – в обычной своей манере Подлесный остановился, не дойдя немного до стола, будто для отдания рапорта. Вгляделся в воспаленные глаза президента банка. На неподвижном лице его против воли мелькнуло сострадание.

– Так что, что? – быстро произнес Керзон. – Не тяни же! Виделся со своими... как их? Источниками.

– Встречался, – начальник службы безопасности без разрешения опустил на стул, чего обычно себе не позволял. – Намотался.

– Не тяни. Совсем плохо, да? – Керзон подсел, искательно заглянул в глаза.

– Не слишком хорошо. Но – могло быть и хуже.

– Куда уж хуже, – Керзон нервно повел шеей. – В подъезд заходишь – трясет. Выходишь и ждешь, ждешь, откуда она прилетит. Пока дома жил, тоже покоя не знал: от малейшего скрипа вскакивал – а ну как ОН уже внутри! За ночь к входной двери по десятку раз подходил, засовы перепроверял, хоть кругом, в прихожей и на лестнице, понапиханы охранники. Нынче и вовсе

в банке отсиживаюсь, а – всё то же. Мания просто! Никому такого не пожелал бы. Так что говори напрямую, что узнал. Страшней уж не станет. Что угодно, только б ясность.

– Что ж, – Подлесный понимающе кивнул. – Повстречался я с моим человечком с Петровки. Вычислили они наконец цепочку, по которой заказ пришел.

– Сулопаров?!

– Всё на нем сходится. Но главное – вышли на организатора. Через него появляется шанс отследить киллера. Можно брать по цепочке, замести всех, – в лице Подлесного мелькнул профессиональный азарт. – Хотя, конечно, официально доказать Сулопарову, что именно он «заказал» убийство, не удастся, – такие вещи напрямую не делают. Но – остальных: организатора, исполнителей, – возьмем. Устроим показательный процесс!

– И что тогда? Сулопаров отступится?

Подлесный пожал плечами.

– Да ты! – Керзон вскочил. – Ты вообще здесь зачем? Чужой кровью славы борца с коррупцией добиваешься?! Профессиональные гены разыграли? Глупость какая! Пока вы там брать их по одному будете, меня, глядишь, и прикончат. Ты дело говори. Можно заказ отменить как-то, а, Слава?!

– Есть вариант, – подтвердил Подлесный с разочарованным видом. – Стремный, правда. Но раз уж главная задача от вас угрозу отвести... Сулопаров – это он и впрямь больше со злости. Выгоды экономической нет. Так что на том конце вроде готовы отыграть назад. Но тут уж люди серьезные влючились. Счетчик.

– Сколько?!

– Пятьдесят тысяч долларов.

– Согласен! Когда отдать?

– Так быстро это не делается, Александр Павлович. Пока в одну сторону передашь, пока в другую, – дня три, а то и больше.

– А мне так и существовать с веревкой на шее? Так, да?

Подлесный удрученно смолчал.

– Выходит, так, – безнадежно принял Керзон. – Что ж? Поживу еще в банке.

Неожиданная ассоциация пришла ему в голову и с прежней, утраченной, казалось, ироничностью добавил:

– В стеклянной банке.

9.

По возвращении в банк Олега Жуковича назначили на прежнюю должность – начальником управления холдингом. Впрочем в подчиненном подразделении бывал он редко. Помещение, выделенное под управление, напоминало длиннющий пенал, порезанный на отсеки пластиковыми перегородками. Так что каждый видел каждого.

Этот западный стиль Олег не терпел. Под взглядами подчиненных он напоминал сам себе краба в аквариуме. Поэтому старался забегать сюда как можно реже. До начала или по окончании рабочего дня, чтобы вынуть из сейфа или положить туда нужные документы. Основное же время проводил в глухой каморке под лестницей, которую сам для себя облюбывал. Здесь ему никто не мешал заниматься тем главным делом, ради которого он вернулся в банк и которое целиком захватило его, – он продолжал день за днем восстанавливать исчезнувший реестр. Увлекательное это занятие напоминало разгадывание кроссворда. Одна обнаруженная компания давала ключ к следующей, пока не выявленной. Не доверяя компьютеру, он составил причудливую схему и заполнял ее, будто Менделеев свою таблицу. Даже озаглавил «менделеевкой».

«Менделеевку» эту он тщательно хоронил от постороннего глаза и по вечерам неизменно убирал в объемистый сейф, расположенный в управлении.

Закончив работу к двадцати одному часу, Олег отправился в управление. Войдя, с удовольствием убедился, что «пенал» опустел, – после изнурительного дня общаться с кем бы то ни было не хотелось. Он прошел к дальнему плексигласовому отсеку, на котором рядом с табличкой «Начальник управления» сам прикрепил еще одну, украденную некогда из больницы, – «Клизменная». Прикрепил с одной целью – отогнать докучливых любителей помозолить глаза начальству.

Впрочем намек не всегда срабатывал.

Вот и на этот раз, едва Жукович убрал «менделеевку» в сейф, как почувствовал движение сзади и нахмурился, – выходит, недоглядел.

Даже не оборачиваясь, он догадался, кто это мог быть, – Лариса Угловая. Тридцатисемилетняя блеклая женщина, превосходный исполнитель, которая, если бы не природная ее робость, вполне могла претендовать на повышение. Тем более в деньгах она постоянно нуждалась: Угловая в одиночку растила дочь. Но была в ней черта, Жуковичу глубоко неприятная, – чинопочитание, возведенное в степень пиетета. От вкрадчивого жеманно-заискивающего голоса Угловой ему делалось не по себе.

Одобрительный взгляд начальника, отпущенная мимоходом похвала заставляли её по-детски расцветать. Она нуждалась в словесном поощрении, как комнатное растение в поливке. Не было случая, чтобы она уходила с работы, не дождавшись Жуковича. А, дождавшись, с неизменными извинениями и ужимками подходила, чтобы обсудить какую-нибудь очередную пустяковую ситуацию и дожидаться очередного небрежного поощрительного кивка. Если бы за назойливостью этой скрывалось стремление продемонстрировать собственную усидчивость и преданность делу с тем, чтоб продвинуться по службе или добиться увеличения зарплаты, то по-человечески это было бы понятно. Но ни о чем подобном Угловая не заикалась. А искать внимания начальства ради внимания начальства, тем паче просиживать ради этого до девяти вечера, – это, по убеждению Олега, – чистая клиника.

– Что у тебя на этот раз за проблема? – не оборачиваясь, буркнул он.

– Проблема у тебя, – ответил мужской голос, и Жукович вздрогнул – это оказалась не Угловая. Следом за ним бесшумно зашел Вячеслав Иванович Подлесный, начальник службы безопасности и личный враг Олега Жуковича.

После возвращения в банк Жукович сталкивался с ним время от времени, но демонстративно не замечал и не отвечал на неизменные короткие кивки.

Так что столкновения до сих пор удавалось избегать.

Олег разогнулся. Стараясь не выказать нахлынувший страх, принял агрессивную позу, на всякий случай обшарил взглядом «пенал», надеясь отыскать какого-нибудь задержавшегося сотрудника. Увы! – Чего надо? – хрипло рявкнул он. Но – голос осекся, дав «петуха».

– Стало быть, так и не нашел реестр? – не обращая внимания на боевой вид Жуковича, бесцветно поинтересовался Подлесный.

– Я докладывал при тебе. Если не слышал, так прочисть уши.

– И говоришь, все восстановишь?

– Что вспомню, восстановлю. Не от тебя ж, раздолбая, помощи ждать.

– А что не вспомнишь, припрячешь? Не верю я тебе, Жукович, – неприязненно процедил Подлесный. – Ни в чем! Не верил и не верю. И ты это знай. Потому что единожды предавший всегда предавать будет.

– Да пошел ты! Скотина, – истерично выкрикнул Олег.

Подлесный шагнул вперед, и Жукович против воли вжал голову в плечи и зажмурился в ожидании удара.

– Вы заняты, Олег Евгеньевич? – донесся до него от двери вкрадчивый голос Угловой. Мелодичнейший и нежнейший из всех существовавших в природе женских голосов. Она-таки дождалась его, умница.

– Входите, входите! – радушно пригласил он. Глянул на задумавшегося Подлесного:

– Чем-то еще интересуетесь?

Тот скривился, оглядел робко остановившуюся сотрудницу:

– Помни, я бдеть буду.

И вышел.

– Тоже мне, бдюн нашелся! – огрызнулся вслед Олег.

На сомнительную шутку Угловая отозвалась охотным заискивающим смешком. Жукович посмурнел: «Нет, все-таки голос у нее препротивный».

9

По ночной Москве гуляла поземка, полируя покрывший дороги лед. Несмотря на пустые улицы машины продвигались медленно, ощупывая дорогу фарами – будто миноискателями. Так что Денис Лобанов приехал в Домодедово в обрез – посадка на Сахру завершалась. Отыскал взглядом информационное табло и устремился к нему, вчитываясь на ходу. Голова в пышной волчьей шапке задралась, и он с разлета налетел на изысканную даму в норковой шубке до колен. От сильного толчка у женщины с головы свалился меховой берет и отлетела в сторону дорожная сумка. Да и сама бы она упала, если б Денис не подхватил ее за руку.

– Послушайте! Вы все-таки не слон в посудной... – женщина яростно обернулась. Это оказалась Ирина Холина. Лицо ее, как только она разглядела обидчика, приняло брезгливое выражение. – Господи! Опять это чмо. Не зря мне ночью тараканы снились. Надеюсь, нам хотя бы не на один рейс.

– Наверняка на разные, – Денис поднял с пола кокетливый берет, повертел, прежде чем вернуть. – Судя по одежке, променад по Европам? А я на Сахру.

– О, нет! – простонала Ирина. – Грешна, каюсь. Но не настолько же.

– Что? Тоже?! – простодушно удивился Лобанов.

– Вам-то что?!

– Вроде как и ничего. Оно, конечно, ваше авторское право. Только... – Он ироничным взглядом окинул шубку, берет, узорчатые сапожки, – в этом маскараде можно с детишками вокруг елочки снегурочкой сигать. На каблучишках по подиуму продефилировать, – длина ноги позволяет. Но – в Сибирь среди зимы, – это ж наверняка лишиться самых выдающихся частей тела.

Лобанов поднял с пола ее кожаную сумку, взвесил на руке: – Ого! Ладно, давай донесу, раз уж нас на один рейс угораздило. – Как-нибудь без стремных помощничков! – Холинга вцепилась в ремень.

– Опять же имеете полное право, – Денис отпустил ремень, отчего упершую Холину болтануло, перекинул через плечо свой дорожный баул и широким шагом зашагал к стойке регистрации. Ирина подхватила увесистую сумку и засемила следом, жалея, что отказалась от помощи.

Холина оказалась последней, кто зарегистрировался на рейс. Зайдя в салон, где сутились рассаживающиеся пассажиры, она издали разглядела пышную волчью шапку и прозорливо догадалась, что там же поблизости окажется и ее собственное место, – Лобанов зарегистрировался как раз перед ней. На самом деле место ее оказалось не поблизости, а – рядом.

– Что ж это за непруха такая? – простонала, опускаясь, Ирина. – Вот что, Лобанов, уступите-ка мне место у окна.

– С какой это радости?

– Хотя бы, чтоб не видеть вашу физиономию.

– И не мечтайте! Четыре часа зрелища вам гарантированы, – Лобанов плотоядно ухмыльнулся, оскалив крепкие белые зубы, отчего в сочетании с волчьей шапкой сам стал похож на хищника. Вообще в сидящем рядом мужчине мало что осталось от прежнего разухабистого морячка. Разве что тот же насмешливый прищур в монголоидных глазах, при виде которого Ирине безотчетно хотелось говорить колкости. – И куда летные службы смотрят? Пишут ведь, чтоб животных в салоне не перевозить, – отворачиваясь, оскорбленно пробормотала она.

Молчание было ответом на этот пассаж, – надвинув шапку на глаза, Денис Лобанов погрузился в безмятежный сон.

За полчаса до окончания рейса объявили, что Сахра по погодным условиям не принимает, и самолет совершит посадку в Иркутске.

– Послушайте! – Холина растолкала соседа. – Как Вам это нравится?

– Мне это не нравится, – Лобанов сдвинул на затылок шапку, – он все слышал. – Тем паче: ничто не исчезает бесследно и не возникает из ничего.

– А можно хотя бы сейчас объясниться без выпендрежа?

– Можно. Мне понадобилось в Сахру, и – Сахра тут же перестала принимать.

– Что?! Ну, знаете, у вас мания величия. Собственно, в каком качестве и куда именно изволите следовать?

– От «Возрождения».

– В Сахре не хватает своих слесарей?

– Чего не знаю, того не знаю. Вообще-то лечу по просьбе Керзона. Надо потолковать с Суслопаровым.

– Вот как? По просьбе. Потолковать! А он, конечно, ждет не дождется, – с издевкой процедила Холина. – Полагаю, как раз наоборот. Похоже, он и из Москвы сиганул, чтоб я до него не добрался.

Готовая расхохотаться Ирина смолчала. Потому что вдруг поверила: ЭТОТ и впрямь мог лететь по поручению президента крупнейшего банка, чтоб накоротке встретиться с нефтяным магнатом. – И что будем делать, господин особо важный порученец? – спросила она.

При слове «будем» Лобанов задумчиво почесал бороду.

– Мне ваше общество, как понимаете, не слишком приятно, – буркнула Холина. – Но раз уж нам обоим надо как можно скорее в Сахру. – Обоим? Вам-то к чему срочность?

– Тоже лечу к Суслопарову. Надо согласовать аналитический материал по «Сахре» для «Коммерсанта».

– А! Славься, славься.

– Я, между прочим, «заказухой» никогда не занималась.

– Какие ваши годы! И вообще в чем проблема? Приеззмлимся. Пересядем на местный рейс.

– Да, как же! Я уже интересовалась у стюардессы: ближайший от Иркутска до Сахры через три дня. Слушайте, может, возьмем на двоих машину? Тут, говорят, меньше двухсот километров. Или – слабо?

– Мне надо видеть Суслопарова, и я его увижу, – просто, как о решенном деле, объявил Лобанов.

– Вместе увидим.

– Это вряд ли, – Лобанов вернулся к обычной, насмешливой своей манере. – Во-первых, добираться придется через тайгу. Не на иномарке и даже не на «жигулях». Может, на лесовозе каком. А к такой езде у Вас сбруя не слишком приспособлена.

Он нахально щелкнул ее по тугой икре, выглядывавшей из-под короткой юбки.

– Прекратите наконец хамить! – вскинулась Ирина. – Достал просто. Короче, да или?...

– Нет!

– Ну, и пошел ты!

Обоих встряхнуло, – самолет приземлился в Иркутском аэропорту.

Ирина Холина сидела в аэропортовском ресторане. Ей кое-как удалось дозвониться по мобильному до Сахры и передать, что летевшая по приглашению Суслопарова журналистка Холина по погодным условиям сидит в Иркутском аэропорту. К сожалению, сам Суслопаров на вертолете улетел по буровым, где мобильник не брал. Не оказалось на месте и знакомых замов. Поэтому информацию пришлось передать через какого-то «шестерку» – диспетчера,

который не решился даже самостоятельно направить за московской журналисткой машину. Так что никакой ясности, кто и когда за ней приедет, и приедут ли вообще, не было.

Бросив шубку и сумку на соседний стул, она с отвращением хлебала стылую бурую солянку с затерявшейся оливкой, исподволь поглядывая на расположившегося через пару столов Лобанова. Вальяжно раскинувшись, он неспешно цедил коньячок.

Народу в ресторане оказалось немного. Правда, поблизости нарисовалась шумная компания кавказцев, с момента появления Ирины принявшихся бросать на нее пламенные взоры.

По мере того, как убывало спиртное на столе, восхищенное цоканье их становилось все явственней.

От скуки ли или от привычки убеждаться в безотказности своих чар, Ирина несколько раз, подстрекательски сощурившись, оглядела «кавказский» столик.

Но едва один из мужчин, порешительней, поднялся, чтобы подойти, Холина хлестанула взглядом навстречу так, что тот, обескураженный, опустился на место. Что-что, а укрощать мужчин удавалось ей влегкую. Через минуту то же она проделала со следующим. Это становилось забавным. Ирина даже хмыкнула, представив цирковой номер: «Смертельно опасно! Впервые на арене: Ирина Холина и ее дикие кавказцы».

Впрочем, хищники порой, перейдя некую грань, выходят из повиновения. Меж выпивавшими затеялось пари, предметом которого стала эффектная и – по виду – бойкая соседка.

– Э, совсем не мужчины вы! – высокий джигит поднялся и, игнорируя повелительные Холинские импульсы, подошел с усмешкой на просмоленном, изрезанном морщинами лице.

– Послушай, дорогая! Хочу слово сказать.

– Занято! – хмуро процедила Ирина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.